

БОРИС ХРИСТЕНКО

**ПОВЕСТЬ
О ПЕРЕЖИТОМ**

16+

Борис Христенко
Повесть о пережитом

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Христенко Б.

Повесть о пережитом / Б. Христенко — «ЛитРес: Самиздат», 1997

«Повесть о пережитом» Бориса Николаевича Христенко (1919–1998) была задумана как книга воспоминаний: о родителях, детстве, школьных годах, друзьях, работе, семье... Автор провел детство и юность с семьей в Харбине, где его отец устроился работать на КВЖД. В 1935 году он вместе с родителями и братом вернулся в СССР в надежде на новую счастливую жизнь. В 1937 году вся семья была арестована. Бориса Христенко ждали десять лет лагерей и еще десять лет тяжелой жизни бывшего заключенного, до реабилитации 1958 года. На страницах воспоминаний – колоритные зарисовки из жизни Харбина 1920–1930-х годов, где соседствовали русские (работники КВЖД и эмигранты) и китайцы; сцены лагерной жизни; подробности организации рабочего процесса на советских предприятиях 1950-х годов. Это книга о способности выживать, о вере в себя, о надежде и любви.

© Христенко Б., 1997

© ЛитРес: Самиздат, 1997

Содержание

Предисловие	5
От автора	7
Часть первая	9
Ночь под Рождество	10
Отец	10
Семья Кумпан	15
Мобилизация	18
Командировка в Харбин	31
Конфликт на КВЖД	34
Отец – безработный	36
«Красная сволочь»	39
Маньчжоу-Го	41
На Родине	46
Ташкент	47
Слово об отце	50
Фантазия	55
Часть вторая	58
Детство	59
Немовляtko	59
Детство	62
Первая любовь	68
Суд чести	69
Предательство	69
На заработках	71
О друзьях-товарищах	76
Зарисовки по детской памяти	81
Юность	93
Техникум, его история и истории, которые там были	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Борис Христенко

Повесть о пережитом

Предисловие

Три пути у человека, чтобы разумно поступать: первый, самый благородный, – размышление; второй, самый легкий, – подражание; третий, самый горький, – опыт.
Конфуций

Впервые я подумал об этой книге в девяносто четвертом, когда мы отмечали юбилей отца – 75 лет. Все было прекрасно. Отец был на седьмом небе – вместе с ним были самые близкие люди. Был здесь и главный подарок – тот, который посчастливилось сделать нам с женой в восемьдесят первом году. Наш сын и внук отца – Володя. Он тоже праздновал свой день рождения, ему стукнуло 13 лет. Продолжатель рода родился в день ангела деда и был назван в честь его брата.

Через пару дней отец попал в больницу, и надолго. Тогда-то я стал уговаривать его оставить работу и заняться этой книгой. Хотя главное, конечно, не книга, а история семьи. Ведь чтобы продолжать род, а не просто сохранить фамилию в телефонной книге, надо знать его историю, его корни, его беды и победы, его муки и обретения. Надо понять, что думали твои предки, что заставляло их поступать так, как они поступали.

Идея была принята с некоторыми исключениями – отец не собирался оставлять службу в университете. Да и я с самого начала понимал, что отец не сможет не работать – характер не тот. Он как большая сильная птица. Не летать – значит не жить...

Когда я уезжал от родителей, отец подарил мне свои записки. Прочитав их, я узнал тайны моих родителей, в которые они по разным причинам меня не посвящали до последних дней. Время было такое, когда многое, по их мнению, мне лучше было не знать.

Я вырослел, и, как ни старались мои родители, кое-что я узнавал от людей.

Первым ударом для меня была новость о том, что мой брат мне не родной. Хотя нет, не так, точнее, что у него есть другой отец. Это случилось, когда я учился в пятом классе, и я трудно привыкал к этому.

О том, что отец мой был заключенным и отбывал десять лет в тюрьме и лагерях, я узнал, когда оканчивал институт, и, конечно, не от родителей. Сам отец никогда не говорил об этом, а у меня не было случая расспрашивать его.

И вот теперь, расставаясь надолго, отец сам посчитал нужным рассказать мне обо всем.

Я прочитал записки отца не отрываясь, в один прием. Так читаются детективы с закрученным сюжетом. Мне показалось, что они должны быть интересны не только мне, но и по крайней мере тем людям, которые знают нашу семью или узнают ее, прочитав эти записки. Поэтому мы решили издать их небольшим тиражом.

Сентябрь 1997 г.

К великому сожалению, отец не увидел этой книги. 5 апреля 1998 года его не стало. Это был обычный весенний день. Отец сходил на работу, потом обошел всех, кто помогал ему в подготовке рукописи третьей книги, рассчитался со всеми, пришел домой и... умер.

Помню, в школе, когда мы писали сочинения о том, кем ты хочешь быть или на кого хочешь быть похожим, я писал об отце. Тогда я не знал почти ничего из того, что написано в этой книге. Меня берегли, боялись, что это навредит. Теперь, когда я знаю чуть больше, я благодарен Богу за то, что мне повезло с отцом.

Он прожил трудную жизнь. Прожил ее красиво и гордо. И ушел от нас так же красиво и гордо...

Пусть показания моего отца, свидетеля и очевидца, пережившего то, что не каждому под силу, станут известны многим.

Апрель 1998 г.

Виктор Христенко

*В день 40-летия сыну моему Виктору для продолжения истории
рода нашего завещается*

От автора

Жизнь каждого человека заслуживает того, чтобы о нем написали книгу. Это не новая мысль.

Еще лучше, если бы такая книга описывала жизнь его предков и потомков, чтобы можно было проследить связь поколений, эволюцию отдельной семьи в тех изменениях, что происходят в обществе. Сколько замечательных сюжетов для повестей и романов подарили бы человечеству такие записки!

Слышал я, что японцы вывели такой сорт дерева – карликовую сосну, которое не занимает много места, растет в цветочном горшке, достигает возраста 500 лет. При ней хранятся сведения о тех, кто заботился об этом дереве и лелеял его все это время. Какой прекрасный обычай!

Давно задумал я описать свою жизнь, чтобы восстановить ту «сосну». Только больше чем на сто лет назад при всем желании я не продвинулся. То, что было до меня, собирается по крупицам, без документов, по слухам, рассказам людей, которые сами что-то слышали от кого-то. Есть, правда, несколько десятков чудом сохранившихся фотографий, подписанных рукой родителей.

И все-таки я берусь за это трудное дело. Постараюсь быть честным. Быть искренним и честным одновременно – трудная задача. Буду придерживаться хронологии, сдерживаться в лирических отступлениях и говорить о главном, не задерживаясь на пустяках. Хотя разобраться, где пустяк, а где главное, тоже непросто.

На историческое исследование я не претендую, могу спутать даты, что-нибудь не так назвать. Пишу так, как сохранились события в памяти.

Как всегда, чтобы начало сбываться задуманное, нужен толчок. Таким толчком для меня стало одно удивительное совпадение календарных чисел.

В ночь под Рождество в 1992 году, в сочельник, по давно заведенному порядку организуем мы минуту молчания в память о тех, кого уже никогда не будет с нами. В первую очередь вспоминаем об отце, потому что его день ангела приходится как раз на сочельник. Готовясь к минуте молчания, я достал свидетельство о смерти отца (единственный документ, имеющийся у меня). Меня потрясла дата, отмеченная в этом документе: отец родился 6 января 1892 года (!). Ровно 100 лет назад.

Подняв ворох старых фотографий, я просидел всю ночь над воспоминаниями об отце, нашей семье, своем детстве. И всё записывал. Не задумываясь над последовательностью, не готовя эти записки к публикации, а просто чтобы излить чувства, переполнявшие душу.

Прошло четыре года. Многое изменилось. Пошатнулось казавшееся крепким здоровье. Определилась сердечная недостаточность, сделавшая меня инвалидом. Можно не успеть оставить записки.

Теперь, когда записки обрели реальность, когда написаны первые триста страниц, пришлось разделить их на две части, каждая из которых может читаться отдельно и рассматривается мною как самостоятельное произведение. Поэтому тот, кто возьмется прочитать все части, обратит внимание на повторы, которых мне не удалось избежать. Не судите строго, никакого литературного опыта у автора нет, есть только желание поделиться тем, что прочувствовано и пережито.

Что мы знаем о своей способности выживать? Не вообще человечества или отдельных героев, а о своей, личной? Как правило – ничего, пока не придет момент, чаще всего трагический, пока жизнь не подготовит нам испытание. Не все выдерживают удары судьбы, многие ломаются. Почему? Чего им не хватает? Прежде всего, *веры*. *Веры* в свои возможности. Она

множественно увеличит силу вашего духа, сделает вас негибачемым. С *верой* придет *надежда*. Вы станете сильнее, подымете голову.

Если к вам, еще не совсем оправившемуся от пережитого, подоспеет светлое чувство настоящей *любви*, вы сможете вернуться к новой жизни и все начать сначала. *Вера – надежда – любовь*, могучая связка вечных слов. Жизнь держится на них. Об этом книга, которую вы держите в руках.

Книга состоит из трех частей.

Часть первая – это те беспорядочные записи, которые писались в один прием, в одну большую ночь, это как бы отчет перед отцом за сто лет, прошедших со дня его рождения, за ту память, что он оставил о себе, за его дела и поступки в моем сегодняшнем их понимании. Я рассказал ему о том, что произошло с нами после того, как его не стало, и даже представил себе отца, читающего мои записки. Там все об отце.

Часть вторая – это рассказы о пережитом мною лично за короткие первые восемнадцать лет жизни.

О людях, с которыми сводила меня судьба, о событиях, участником которых я был, в детском восприятии окружающего мира. О первой любви. О главном и интересном, поучительном и полезном. О трудных и легких успехах. О школьных годах, теперь осмысленных с позиции взрослого человека. Рассказы о членах семьи позволяют составить представление о каждом ее человеке. А период от шестнадцати до восемнадцати лет – главная тема отдельных рассказов.

Часть третья представлена в двух главах.

Глава 1 – это повесть о беззаконии, о десяти годах – с восемнадцати до двадцати восьми лет, – самых важных для становления человека и вычеркнутых из моей жизни царившим в стране произволом.

О том, как в условиях неволи, трудной лагерной жизни формировался мой характер. Конечно, я вспомнил о людях, разделивших со мной печальную участь, и о «свободной любви» в тех условиях.

Глава 2 – о десяти годах, прожитых с момента освобождения по день реабилитации в 1958 году, когда жизнь на так называемой «воле» была порой труднее, чем в лагере. О предприятиях и производствах, на которых пробовал я свои силы. О руководителях, с которыми пришлось работать. О попытках создать семью. О трудной жизни бывшего заключенного в условиях узаконенной несправедливости.

Часть первая

Ночь под Рождество

Светлой памяти отца моего, замученного в застенках НКВД в 1937 году, посвящается

Челябинск, 6 января 1992 года

Отец

Отец мой, Николай Григорьевич Христенко, родился в конце декабря 1891 года в селе Мачехи Полтавской губернии, в крестьянской семье. Через неделю, как положено, в день Николая Чудотворца, его крестили, и деревенский священник, естественно, нарек новорожденного Николаем. С тех пор в нашей семье в день ангела отца, совпадающий с сочельником, под Рождество отмечали день рождения Николая Григорьевича. Между прочим, для всех православных христиан (других в то время среди русских людей не было) день ангела считался днем рождения. Во всех документах считается, что отец родился 6 января 1892 года. Своим днем рождения, по той же причине, я всегда считал не 28 июля, а 6 августа (День святых Бориса и Глеба). И всех приучил к этой мысли. Пусть хоть эта традиция моей полностью исчезнувшей семьи останется со мной и моими близкими.

6 января 1992 года – 100 лет со дня рождения моего отца. И как бы ни хотелось удержаться от воспоминаний, они с невероятной силой занимают меня сегодня, в сочельник, в ночь под Рождество.

Только в этот день заносили в дом приготовленную заранее елку. Отец ладил крест, в котором предстояло укрепить деревце. Затесывал ствол на квадрат и точно (он умел это делать) насаживал его на крестовину. Занесенное с мороза дерево расправляло свои пушистые лапки, а свежие стружки начинали сочиться смолой. По всей квартире расходился чудесный запах хвои. Не было более дружной семьи в эти прекрасные вечера. Наряжать елку и поздравлять отца с днем рождения стало правилом в семье раньше, чем мы с братом Вовкой помним себя. А когда подросли, стали к этому дню готовить самодельные подарки. Так появился и стал постоянным украшением на елке вырезанный мною из картона газетчик, бегущий со свежим номером газеты, а от Вовки пришла и устроилась на елке немыслимая птица с шикарным хвостом. Отец хвалил нас и сразу же прилаживал наши подарки на елку. Когда у отца выбралось время, он смастерил огромную пятиконечную светящуюся звезду, которая вращалась вокруг оси. С этой звездой мы ходили колядовать, пели что-то неразборчивое про Рождество Христа, но получали щедрые конфетные и пряничные подарки. Из детской памяти, наверное, такое не уйдет никогда.

Сельский вид в окрестностях Полтавы
Начало XX в.

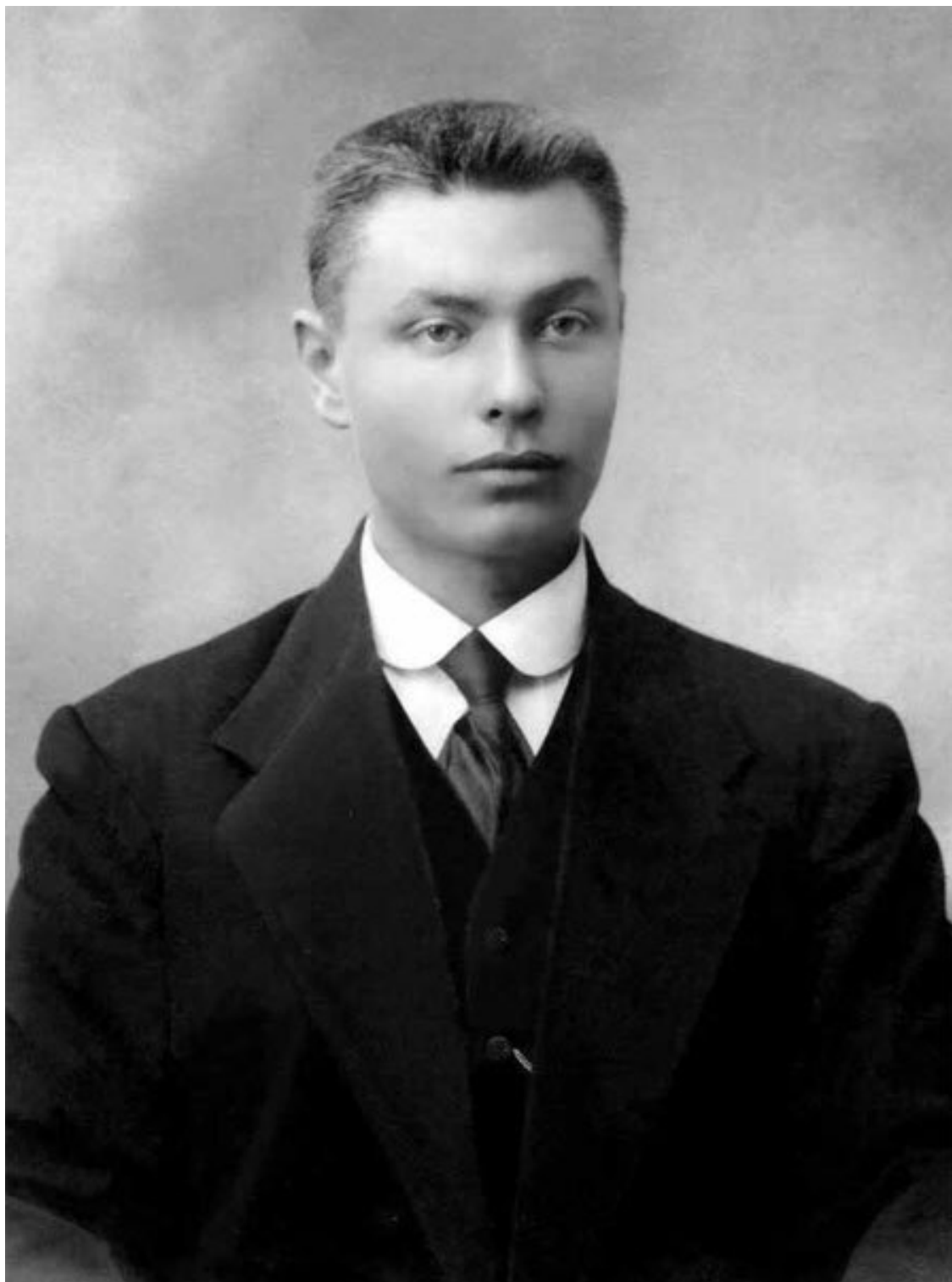

Начало XX в.
Полтава

Как жалею я теперь, что никогда не расспрашивал отца о его родителях, не интересовался теми, чьи лица вместе с лицами моих родителей хранились на фотографиях в семейных альбомах. С огромным трудом и не всегда достоверно пытаюсь сейчас по надписям на тех фото-

графиях, по обрывкам запомнившихся разговоров между родителями, по слухам восстановить историю прошлого. Не хочу, чтобы мой сын оказался в таком же положении к тому времени, когда меня не станет.

По фотографиям, выполненным в манере того времени на плотном картоне с тиснеными золотом медалями и фамилией владельца ателье, там, где на обороте сохранились надписи, сделанные рукой отца или матери, можно установить, что до 10 мая 1915 года родители жили в Полтаве. Наверное, их знакомство завязалось раньше – была карточка, где они сняты вдвоем в 1913 году. В Полтаву отец перебрался из приютского дома, который был где-то под Полтавой.

Николай Григорьевич Христенко
Полтава. 1913

Мама
Полтава. 1915

А в приюте он оказался по решению мачехи, поскольку рос, как сейчас бы сказали, «трудным» ребенком. Подрос немного и удрал в город. Поступил «мальчиком на побегушках» в какой-то магазин, работал грузчиком, выбился в ученики продавца, стал приказчиком в галантерейном магазине. По тем временам – завидная карьера.

Полтава. Улица Гоголя
Начало XX в.

Семья Кумпан

В подвале магазина, где работал отец, размещалась пошивочная мастерская, в которой работала ученицей швеи Мотя Кумпан. Мотя была прилежной, старательной и способной белошвейкой и к тринадцати годам уже заработала себе на белую шелковую блузку и модные ботинки-полусапожки с высокой шнуровкой. У нее даже хватило денег, чтобы сфотографироваться во всем этом великолепии в лучшей фотографии города у господина Л. Смелянского. Как это было непросто, можно судить по тому, что в 1918 году уже во Владивостоке мама фотографируется снова в этих ботинках. Она их так берегла, что привезла с собой в Маньчжурию и долго носила. Это были «исторические» сапожки. О них часто вспоминали в разговорах отец с матерью. Дело в том, что у мамы было еще две сестры: старшая – Агриппина и младшая – Ефросиния, нигде не работавшие, ничему не учившиеся. Отец их звал «вертихвостками», а старшую Груню в сердцах обозвал «проституткой», что она ему на всю жизнь запомнила. Стоило маме чуть зазеваться, как какая-нибудь из сестер захватывала сапожки и удирала. Из-за этого часто срывались свидания, назначенные отцом маме, и он «выходил из себя».

19²/₂₀ 15 года
У. Христенко.

Отец
Полтава. 1915

Вернемся к отцу. Приказчиком он был видным, отличался большой физической силой и ловкостью. Любил побаловаться двухпудовыми гирями, перекидывая их из руки в руку. Пудовики двумя руками подбрасывал вверх, ловил их и снова подбрасывал по двадцать раз. Любой прочности упаковочный канат, завязанный какой-то особой петлей вокруг пальцев, рвал без видимых усилий. Было в нем что-то от артиста-циркача. Любил удивить публику каким-нибудь фокусом, построенным на силе и ловкости. Очень любил. На одной из фотографий он снят в

мае 1915 года обнаженным по пояс. Демонстрирует атлетическую грудь. Точно помню: объем его груди в спокойном состоянии при полном выдохе – 114 сантиметров, а при вдохе – 118. Вот так. Заставляя меня делать упражнения, говорил: «Грудь для человека-борца – самое главное!»

Отец мечтал стать борцом. Ходил в модные атлетические общества. Был знаком со многими борцами, выступавшими в цирке. Иногда выходил на сцену – срывал «маски» с заезжих знаменитостей. Хотя схватки эти были договорными, они все же доставляли удовольствие и отцу, и людям. Рассказывал, что однажды на спор по-честному одолел одного профессионала и получил за это приз – 25 рублей – большие деньги по тем временам.

Думаю, что хозяин магазина благоволил такому приказчику, тем более что сам отец не гнушался своего ремесла и пытался внести в него элементы артистизма, что нравилось покупателям, особенно покупательницам. Конечно, покорить девушку из бедной многодетной семьи Кумпан было ему нетрудно. Много лет спустя, в 1935 году, вместе с матерью был я в Полтаве, показывала она мне тот березовый круглый скверик, в котором обычно они с отцом назначали друг другу встречи. Скверик этот и сегодня сохранился на улице Шевченко.

Полтава. Мало-Петровская улица
Начало XX в.

Позже, при других обстоятельствах, я встречал стариков-полтавчан, которые знали отца моей матери Ивана Кумпана. Он много лет отпускал воду по талонам в водоразборной будке тоже на улице Шевченко, знал многих горожан в лицо, и его, конечно, знали. А когда будку ликвидировали, развели воду по домам, дед мой еще долго разносил повестки какого-то комиссариата и народного суда. Так что был личностью заметной. Говорят, был он красивой той красотой, что бывает только у старых людей. Ходил прямо.

Гордо носил большую окладистую белую бороду. Седые космы на голове ни зимой, ни летом не покрывал шапкой. Пусть в Полтаве зима мягче, чем на Урале, но не каждому такая блажь в голову приходит. Дед мой Иван Кумпан оставил о себе в сердцах людей добрую память.

Мобилизация

Начало 1916 года совпало с призывом в армию. Отца с группой полтавчан мобилизовали в железнодорожный батальон и направили во Владивосток. Вместе с ним поехали друзья: Кадацкий, Борзосеков, Олитто, Яковлев, Николаев. По прибытии в город Владивосток в мае 1916 года вся великолепная пятерка первым делом сфотографировалась, чтобы выслать карточки своим родным и тем засвидетельствовать свое благополучие. Ехали долго, больше месяца, в холодных «теплушках». Подробности теперь не восстановить, никого из перечисленных людей нет в живых. Одно несомненно: в мужском солдатском вагоне ехала на правах жены одна женщина – моя мама – восемнадцатилетняя Матрена Ивановна Кумпан (в то время уже Христенко).

Отправляя в дальнюю дорогу неродного сына, мачеха снизошла, решив увековечить себя и всю свою семью на фотографии. Для этого все съехались в Полтаву. На фотографии, сохранившейся с тех времен, запечатлены образы крепких крестьян в добротных сапогах и неизносимых костюмах: отец отца и мачеха. Мачеху звали Клеопатра. Есть карточка, на которой отец снят с сестрой. Как звали сестру, я не установил. Была ли она родной отцу, не знаю. Есть еще одна фотография, на которой отец с сестрой сняты вдвоем. Обе фотографии подписаны самой Клеопатрой – «10 мая 1915 г.».

Дед Григорий Христенко, мачеха Клеопатра и сестра отца (?)
Полтава. 1915

Почерк у Клеопатры твердый, написано грамотно. Быть грамотной крестьянкой в 1915 году – говорит о многом. Для отца она была авторитетом, даже поколачивала его временами. Поэтому он обрадовался, когда оказался в приюте.

Дед Григорий, отец Николай Григорьевич Христенко и сестра отца (?)
Полтава. 1915

Владивосток
1920-е

С 1916 года отец работает во Временных железнодорожных мастерских при депо станции «Владивосток». Зная его увлечение гирями, глядя на его плечи и грудь, товарищи определили его молотобойцем-клепальщиком. В то время при ремонтах подвижного состава главное внимание уделялось заклепкам, электросварка была в диковинку. Вот и махал мой батя кувалдой по несколько часов в день. О чем, кстати, никогда не жалел и любил похвастаться. Заработки, надо полагать, были неплохими. В конце 1916 года его друзья приобрели себе приличные костюмы, вырядились «под интеллигентов», а отец облачился в костюм-тройку с галстуком. Правда, первую обнову он приобрел сразу по приезде на полученные «подъемные», тут же сфотографировался 5 апреля 1916 года в позе этакого скучающего городского сноба, чтобы там, в Полтаве, не подумали, что он простой молотобоец.

Где и когда учился отец грамоте, я так и не узнал. Может быть, он учился в церковно-приходской школе в селе Мачехи? Вряд ли. Скорее всего, основы грамоты постиг он в приюте. Но сколько я помню, он всю жизнь учился по своей системе, был самоучкой. Видел я толстенный альбом, абсолютно неподъемный для ребенка, в красном сафьяновом переплете, на котором золотыми буквами было вытиснено: «Избранные произведения Н. Г. Христенко». Весь альбом был заполнен тщательно переписанными от руки модными в то время стихами, пословицами, песнями, рассказами русских и украинских поэтов и прозаиков. Запомнились годы, подписанные под ними: 1913, 1915, 1918... Сотни, если не тысячи, произведений, «избранных» отцом у Надсона, Мережковского, Лермонтова, Шевченко и других светлых умов, стали его первой грамотой. А когда он освоил гитару и наладился петь «жестокие» романсы (совсем неплохо для небольшой компании), круг его знакомых и друзей значительно расширился. Увлечение поэзией и литературной классикой выдавало его за очень грамотного среди своих. Может быть, именно это обстоятельство сыграло свою роль в продвижении по службе: в 1918 году его переводят табельщиком в тех же мастерских, а еще через некоторое время делают «письмоводителем». Была такая должность. Пришлось ему заняться своим почерком. Опять в свидетелях оказался альбом с «Избранными произведениями...». С каким упорством работал отец, остается только поражаться. За несколько лет он научился писать классическим каллиграфиче-

ским почерком, какой я встречал только на визитных карточках, выполненных в типографиях. Терпения и целеустремленности ему было не занимать.

Отец

Владивосток. 12 ноября 1916

На Дальний Восток революция докатилась не сразу. Первые ее гонцы прибыли сюда вместе с оккупировавшими бухту Золотой Рог японцами. Организовывались рабочие отряды самообороны. Возникли первые Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Шел 1918 год. Особенно активно вели себя железнодорожники и рабочие Временных мастерских, в том числе и отец. Как одного из грамотеев его выдвинули в какой-то Совет, выдали винтовку. Вспо-

миная об этом смутном времени, он рассказывал: «Выбрали. Дали винтовку. Стрелять научили раньше. Но ни разу не выстрелил. Не пришлось».

Рекруты железнодорожного батальона (отец стоит слева)
Владивосток. 1916

В конце июля 1919 года родился я. Жили мы в то время в бараке на Второй Речке. Барак располагался на высоком крутом обрыве. Внизу железная дорога, там же депо и мастерские, где работал отец.

Борис
Владивосток. 10 мая 1920

Отец

Владивосток. 5 апреля 1916

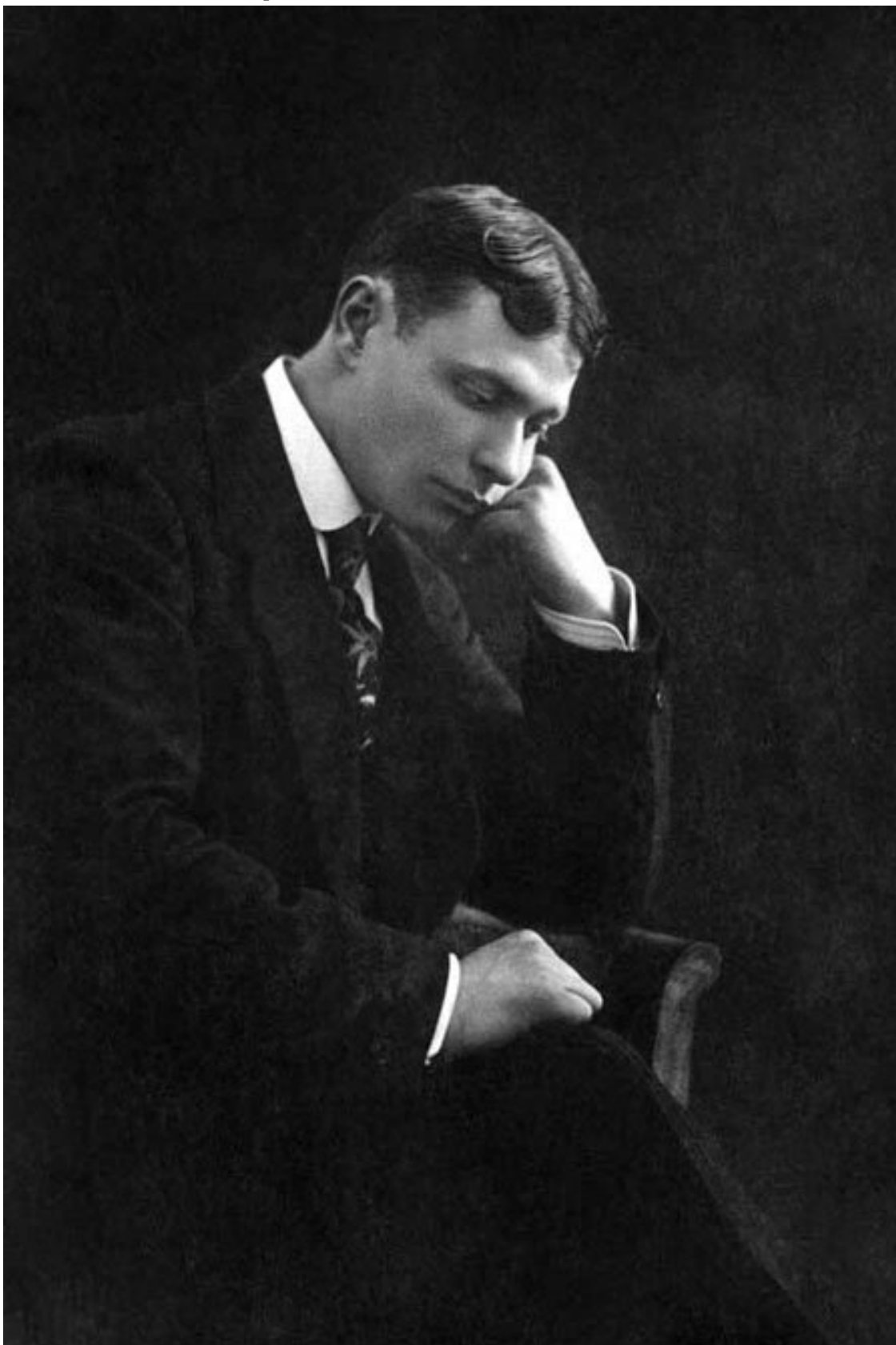
Мама

Владивосток. 7 декабря 1918

Отец

Владивосток. 15 октября 1917

Мама

Владивосток. 1918

Отец и мама с товарищем
Владивосток. 16 февраля 1918

В 1987 году на два дня я оказался во Владивостоке, был в этих местах, на этом обрыве. Барак по ветхости снесли, а все остальное, запомнившееся по рассказам матери, осталось как живое. Даже трамвайная остановка называется «Вторая Речка». Был в музее. Целый зал посвящен революционным событиям во Владивостоке. Особое место занимают фотографии многих рабочих Временных железнодорожных мастерских. Суровые, строгие лица русских мастеровых людей. Есть большие групповые снимки. Хотелось отыскать лицо отца, но на такое изучение нужно много времени, а у меня было несколько часов всего. Обидно. Попасты в город, в котором родился, через 57 лет – и пробыть в нем так мало.

Командировка в Харбин

В 1922 году появился на свет братишка Владимир, а через некоторое время многим активистам-железнодорожникам, доказавшим свою преданность советской власти, предложили выехать на постоянную работу за границу, в Маньчжурию. Шла речь о Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), где на паритетных началах восстанавливались права Советской России. Нужны были новые советские люди вместо окопавшихся там белогвардейцев армии Колчака. Предложили моему отцу, и он согласился. Переехавших распределяли по всем узловым станциям КВЖД. Одни попали в Цицикар, другие в Хайлар, отца послали в Харбин.

Восстановим отдельные вехи отцовской жизни: до 1915 года – село Мачехи и Полтава, с 1916 года по 1922 год – Владивосток, с 1922 года по 1935 год – Харбин. А по работе это выглядело так: от молотобойца, через письмоводителя и какие-то курсы – счетовод, еще какие-то курсы – и бухгалтер, не главный, а самый простой. Вот и вся карьера. Не понадобились четыре курса реального училища, экзамены за которые он сдал экстерном. Десять лет не расставался отец с тридцатитомным изданием «Гимназия на дому». Пять лет работал над своим почерком. Сафьяновый альбом уступил место еще более толстому темно-зеленому с таким же тисненным золотом названием «Избранные произведения Н. Г. Христенко». И снова методично, день за днем, теперь уже каллиграфическим почерком, выписывались сюда стихотворения Есенина, Ахматовой, Гумилева и других. От едва разборчивой скорописи в 1915 году рука молотобойца к 1925 году стала рукой каллиграфа. С блеском выполнялись чертежи в реальном училище, где вся работа делалась цветной тушью, а на сопряжения кривых обращалось особое внимание. Если бы кто-нибудь спросил, зачем бухгалтеру реальное училище с его чертежами и механикой, я не знаю, что ответил бы отец.

Харбин. Район Пристань
1910-е

Харбин. Район Новый Город
1920–1930-е

Вечная страсть к постижению нового была одной из особенностей его натуры. Постоянно работая со стихами, он развивал память.

В 1926 году отца перевели работать в Управление КВЖД. Оно находилось в Новом Городе, и мы переехали в этот наиболее благоустроенный район Харбина. Здесь колония советских служащих была более значительной, и жили они обособленно. Контакты с эмигрантами стали редкими. Политикой отец не интересовался. Вокруг все делилось на «за» и «против», а он умудрялся отмолчаться так, что вскоре его не стали беспокоить. После переезда в Новый Город Вовку начали учить музыке. Было ему четыре года, но раз отец сказал... На дому с ним занимался какой-то старый музыкант. Интеллигентный русский беспаспортный человек. Одинокий и не очень сытый. Три раза в неделю приходил он к нам домой, мама кормила его «фирменным» борщом, и он принимался за Вовку. Учил он Вовку влюбленно, истово. Кончилось тем, что братишка полюбил скрипку и к семи годам стал неплохим музыкантом. Платили старику-музыканту 4 рубля в месяц. Отец тогда получал 60 рублей. Как-то на Пасху зашел наш старец-музыкант поздравить маму с праздником и принять чарку. Отец в это время сам ходил с визитами по знакомым. Выпил старик и расчувствовался, пролил слезу, заговорил с мамой. Случайно я подслушал их разговор.

Наша семья
Харбин. 25 декабря 1923

Харбин. Здание управления КВЖД
1920–1930-е

– А не боитесь, уважаемая Матрена Ивановна, если скажут соседи, что подкармливаете бывшего белого офицера? Донесут куда надо.

Мама успокоила его, как могла, но вечером сказала об этом отцу. Тот смачно выругался и послал всех к черту. Вспомнил, что какой-то сослуживец спрашивал его после сольного концерта, с которым выступал Вовка, почему он сына учит музыке на дому, а не в музыкальном кружке в Желсобе. Так называлось на модный манер Железнодорожное собрание – культурный центр, где должны были проводить свой досуг советские служащие. Не придавал значения тем словам отец, а зря. Неистребимо племя «сексотов» во все времена. Был еще случай. Одна из многих знакомых отца – эмигрантка, подвизавшаяся в какой-то благотворительной организации, уговорила отца разрешить Вовке участвовать в концерте, сбор с которого шел в пользу детей-инвалидов эмигрантов. Отец разрешил, и Вовка выступал. Стукачи не обошли вниманием и эту деталь. Так создавались «досье» на каждого советского человека там, за границей.

Конфликт на КВЖД

В 1929 году разразился советско-китайский конфликт на КВЖД, спровоцированный по команде японской «военщины» недобитыми белогвардейцами из банд атамана Семенова на деньги, щедро отпускаемые для таких целей. Опрокидывались под откос поезда, гремели взрывы, резко обострились отношения с китайским персоналом, обслуживавшим дорогу. Появились «хунхузы» – конные отряды бандитов, в основном китайцев, грабивших пассажирские и грузовые поезда. Появилась какая-то новая администрация со своими порядками. Работа железной дороги была парализована. Одновременно испытывалась прочность советских дальневосточных границ на северо-востоке Маньчжурии. В этих условиях многие советские граждане, работавшие на КВЖД, отказывались выполнять указания новой администрации. Их сразу же объявили саботажниками и поволокли в глинобитную тюрьму за городом –

Сумбей, а над их семьями издевались, как могли, «русские патриоты» – белогвардейцы. Нас эта малая беда обошла. Но ненадолго. Отец не решился протестовать, боялся потерять работу: настолько близорук и аполитичен оказался он в этом испытании. Даже я в свои десять лет советовал ему уйти с работы, поступить так, как это сделали другие. Но он отмахнулся от меня, как от мухи:

Фотография отца с аттестата об окончании торговых классов С. Г. Ильина
Харбин. 18 марта 1927

– Отстань, сопляк, много ты понимаешь. Хочешь, чтобы меня в Сумбей загнали?

Собравшись с духом, Советский Союз нанес-таки свой ответный удар. Где-то в районе Цицикара и Хайлара тяжелые бомбардировщики впервые за эту войну сбросили на голову военного сброда, затеявшего эту провокацию, бомбы весом в тонну каждая. Об этом «варварстве» мы узнали из газет. Но конфликт сразу погас. На всё про всё ушло несколько месяцев.

За все ошибки нужно платить. Большая беда не заставила себя долго ждать. Последствия конфликта тяжелым катком прокатились по нашей семье. В Сумбее никто не умер. Все вернулись на свои места, получили солидную компенсацию, а отца и таких, как он, выгнали с работы и выкинули из казенных квартир буквально на улицу под зловещее улюлюканье торжествующих соседей. Вот тогда я сам услышал то, что до этого говорилось шепотом.

- Белогвардейцев подкармливали!
- Для белых офицеров концерты устраивали!
- Ребенка в музыкальный кружок не водили!

Таким запомнился 1929 год. Начались скитания безработного отца по городу, где своих безработных хватало с избытком. Ютились мы по разным квартирам. Вроде договоримся с хозяином, но как только узнают, что мы советские подданные, так предлагают выметаться. Был случай, когда хозяин устроил нам «вышибон» среди зимы. Также преследовали отца, если ему удавалось найти временную работу. Словом, помытарились и помучились «от души».

Из престижного и благоустроенного Нового Города перебрались мы в Нахаловку – район люмпенов и босяков. С трудом нашли квартиру из двух маленьких комнат и кухни за 10 рублей в месяц.

Отец – безработный

Улица, на которой мы поселились, называлась Первая Дёповская. Она отделяла множество железнодорожных путей от маневровой горки, расположенной на естественно высокой части города, переходящей в Пристань. Отец пошел на курсы шоферов и быстро их закончил. Помогли реальное училище и знание механики. Получил права на вождение автомобиля и взял в аренду старенький «форд», чтобы начать работать таксистом. Условия аренды казались мне жестокими. Каждый день нужно было отдавать хозяину четыре рубля. Расходы на бензин, масло, мелкий ремонт его не касались. За десять, а иногда и больше часов работы после всех вычетов на руках оставалось около двух рублей. В свободное от учебы время я как мог помогал отцу. Мои обязанности назывались «хапала» (с ударением на первом «а»). Мне полагалось найти, «вычислить» пассажира и убедить его, что ему нужно сесть именно в машину моего отца. Открыть дверцу и даже слегка подтолкнуть нерешительного пассажира занять место. А если «фраер» высунулся на улицу с кучей чемоданов, то я должен был опередить десяток таких же, как я, «хапал», работающих на других шоферов, чтобы успеть закинуть его багаж в нашу легковушку. В одиннадцать лет я успешно овладевал основами психологии поведения взрослых, разгадывая потенциального пассажира в случайном прохожем.

Заметил я как-то, что отец не хочет брать меня с собой на работу, хотя перед этим говорил, что с моей помощью заработок у него увеличивается в полтора раза. Стал он сумрачным, раздражительным. По ночам разворачивал свернутую в трубку миллиметровку, на которой аккуратно записывал расходы за день, связанные с автомобилем, долго смотрел на сложенные столбиками вырученные монеты и смятые бумажные рубли. Молчал. Мы догадывались, что происходят какие-то неприятные события, ждали, когда отец сам что-нибудь расскажет.

Пришел 1932 год. Снова запахло порохом. На этот раз в роли провокаторов, не скрываясь, выступали японцы. Однажды на поле в районе Чен-ян-хе сел на вынужденную японский военный самолет. Самый маленький биплан, на два места. Военным он стал потому, что покрасили его в защитный цвет, нарисовали большие красные круги на хвосте и крыльях да еще пристроили пулемет у второго сиденья. Со всех сторон из города побежали к нему толпы

людей и, конечно, ребятишек. В 1932 году немногие видели самолет. Сразу же к нему подкачала машина какого-то японского представительства, сняли пулемет, забрали с собой летчика и второго пилота и уехали. Доблестное русское казачество обнесло самолетик колышками и выставило караул. Потом караул сняли, предупредив народ, что к самолету подходить нельзя, так как его будут взрывать. Дескать, военный объект не должен достаться противнику. Установили часовую мину и уехали, а народ кинулся растаскивать самолет на сувениры. В это время раздался взрыв, причем такой силы, что в городе было слышно. Погибло несколько человек, десятки оказались ранеными. Кому это было нужно? Кто ответит за такое преступление? В ответ – молчание.

Отец в автомобиле
Харбин. 1930-е

Так начиналось новое марионеточное государство Маньчжоу-Го со своим императором Пу И, с японскими солдатами против китайской армии и японскими порядками для населения. Хозяин дома, в котором мы жили, решил податься от войны подальше, продал дом и уехал на юг, в Шанхай. Новый хозяин, монархист, узнав, что мы «советские», приказал «убираться к чертовой матери». Пришлось искать новое пристанище. Переехали мы на улицу Диагональную, в нижнюю часть города. Сняли отдельный флигелек с холодным сараем-гаражом. Перед этим, собрав все возможные сбережения, кое-что продав, отец купил подержанный легковой автомобиль «оверланд-виппет» за 650 рублей.

Отец
Харбин. 1930

Работать на арендованном автомобиле было себе в убыток. Новая квартира с гаражом стоила нам 15 рублей в месяц. По поводу нашего автомобиля Михаил Светлов сказал бы: «Это был Джамбул среди автомобилей!» Брезентовый верх летом складывался. Это было удобно и в жаркие дни привлекало некоторых пассажиров. Зато зимой утеплить машину не было никакой возможности, но выбирать было не из чего. Более приличная машина стоила в несколько

раз дороже. В эти дни с особенным блеском развернулись таланты нашей мамы. «Зингер» не умолкал ни на минуту. Нового хозяина мы не знали. От его имени все дела вела дочь Лидия Глатоленкова. Узнав, что мама портниха, она с такой неподдельной радостью сдала нам свой флигель, что нам показалось, что преследовать нас по признаку «подданства» больше не будут.

Может быть, так и было бы, если бы не новые порядки, набиравшие силу независимо от нашего желания, в связи с появлением на географической карте нового государства, в котором коренные жители были бесправными, а всяким пришлым тем более жилось трудно.

«Красная сволочь»

Выяснилось, наконец, почему в последнее время отец потерял покой. Шоферы-таксисты, сплошь эмигранты-белогвардейцы, узнав, что на «их» бирже появился советский человек, стали травить отца, устраивать ему аварии, призывать пассажиров бойкотировать «красную сволочь». Несколько раз подкладывали под колеса «ежей», чтобы проколоть сразу несколько колес. Работать становилось все сложнее, нельзя было поручиться за безопасность клиентов. Однажды отец вернулся среди дня избитый. Невероятно. Он ведь был очень силен и в драках не раз показывал себя достойным бойцом. Помним, как вместо домкрата брал за задний буфер свой «оверланд-виппет» и, оторвав его от земли, держал на весу, пока я подкладывал подставки под раму. Как же такое могло случиться? Нам он рассказал:

Харбин. Таксисты у железнодорожного вокзала
1920–1930-е

– Прижали машиной к бордюру. Пришлось выскочить на тротуар. Окружили машинами со всех сторон. Когда я вышел, пятеро или шестеро с криком: «Бей красную сволочь!» – кинулись ко мне. Двух я уложил сразу, больше они не поднялись. Один с ломиком занес руку, но я успел перехватить ломик и вывернул ему руку. Он взвыл, как зверь. Остальные стали калечить машину. Собралась толпа, подошла полиция. Всех с миром отпустили, записали только мой номер машины и предложили завтра зайти в участок.

Разбирательство в полиции было оригинальным: отца заставили уплатить штраф за измятый газон.

О побоях, драке, покалеченной машине ни слова. Почти все высшие чины в полиции – из «бывших», естественно, отношение у них к подданным СССР особое. А в консульстве Советского Союза, куда отец представил справку медицинского освидетельствования после побоев, пообещали «выразить протест». На этом вся разборка закончилась. Искать виновников самому отцу было просто опасно. А поколотили его тогда крепко. Ясно было, что шоферская братва не успокоится на этом. Стал отец готовиться к новому нападению. Изготовил страшное оружие: заточил на острие трехгранный напильник, прилил к нему свинцовую ручку в два с половиной килограмма, приладил ремень, чтобы с руки не слетело, сделал специальные ножны для так называемого «шабера» и приготовился к схватке. Такой поединок должен был закончиться убийством, а дальше – тюрьма. Зная буйный отцовский характер, мы жили в постоянной тревоге. Только бы не новая драка. Два с половиной килограмма свинца в его кулаке, помноженные на огромную силу и злость, уже смертельны, а острие напильника пробивало ударом сосновую доску-сороковку. Но, слава богу, больше драк не было. Надвигались события куда более значительные.

Не зря же японцы затеяли новое государство, привезли откуда-то императора. Крепко осевшие на юге Китая, они теперь должны были захватить Северо-Восточные провинции, в том числе КВЖД.

Стратегию и тактику таких захватов в Китае Япония отработала до блеска. Надо было создать видимость беспорядков: несколько погромов, демонстраций протеста, как-то ущемить права японских предпринимателей. Доказать, что китайские власти не способны гарантировать свободу личности и предпринимательства. А на железной дороге повторить набор диверсий и грабежей, опробованных в том, 1929 году. А потом впереди солдатских полков пустить танкетки и спокойно заходить в ожидающие прихода «спасителей» города почти без потерь и выстрелов. За всю такую войну в Харбин залетел один снаряд, и тот не разорвался. Где-то на окраине были слышны далекие оружейные выстрелы.

КВЖД. Туннель Хинган

1909

Маньчжоу-Го

Вся Маньчжурия и КВЖД были захвачены без больших усилий. Только армия японцев на этот раз, не доверяя белогвардейскому сброду, помня ошибку генеральной репетиции 1929 года, был многократно увеличена и подготовлена к войне.

КВЖД. Мост через реку Нони
1909

В 1932–1935 годах внутренняя обстановка в СССР была очень сложной, и перспектива ввязаться в войну с Японией никого не устраивала. Пришлось «поступиться принципами» и в 1935 году «уступить» КВЖД со всем имуществом за чисто символическую цену. Японцам дорога досталась за 149 миллионов иен. Если я не ошибаюсь, в то время за 1 доллар давали 2 иены. Уже был такой случай, когда царь сдуру продал Аляску Америке за 90 миллионов долларов. Но то была ледяная пустыня, которую России вовек не поднять было. А в этой сделке Япония получала отлаженный механизм, имеющий суточный оборот, перекрывающий всю внешнюю плату чистой прибылью. Разные исторические параллели, общее в них одно – всегда внакладе оставалась Россия. Построена КВЖД была в 1897–1903 годах Россией на свои средства. По условиям русско-китайского договора, после 99 лет совместной эксплуатации Россия передавала это хозяйство Китаю, а работать на этих условиях, да и то с переборами, пришлось только 30 лет. Невеселый получается экскурс в историю.

Последующие события касались не только нашей семьи. Водоворот захватил тысячи людей. Новая администрация железной дороги предложила всем советским служащим освободить занимаемые ими места. Всем. Сразу появилось пятьдесят тысяч вакансий, на которые кинулись изголодавшиеся «бывшие». Договор о переуступке прав на КВЖД предусматривал организацию массовой эвакуации советских рабочих и служащих в Россию. Ясно, что дорога

оставалась на какое-то время без квалифицированных кадров, – это для новых властей было не очень желательно. Как всегда в таких случаях, начался шантаж вокруг советского гражданства. Уговаривали почти каждого. Только выбор был очень небольшой.

Во-первых, если вы работающий железнодорожник – вы можете остаться на своем месте, но должны отказаться от своего гражданства и получить «вид на жительство», приравнивающий вас в правах к эмигрантам. Вас даже могут повысить по службе. Высокую плату предлагали за предательство.

Во-вторых, если вы не работаете на железной дороге, но хотите после эвакуации работников КВЖД остаться в Харбине – вам предлагают сменить гражданство на любое другое (так просто стать подданным любого государства?). Значит, тоже стать эмигрантом, отказаться от Родины.

В-третьих, если вы безработный, но хотите остаться советским гражданином и жить в Маньчжурии – вы теряете право на переезд в СССР за счет государства со всеми вытекающими последствиями. Сумеете ли вы сохранить гражданство? А это ваша проблема.

Как быть безработным в этой стране с советским паспортом на руках, это мы уже попробовали и наелись досыта. Страдали, мучились, но берегли свое подданство, чтобы выучились дети, чтобы сохранилась для нас Родина, и ни одной минуты мы не колебались: едем со всеми, возвращаемся в Россию.

В советском консульстве начали готовить списки и формировать группы отъезжающих. Одними из первых мы отнесли наше заявление. Но и противник не дремал. Специально подобранные агенты-пропагандисты, не «бывшие» (тем веры не было), а «свежебежавшие» из СССР, ходили по домам и рассказывали о зверствах большевиков. Говорили о голоде на Украине, унесшем сотни тысяч жизней, о раскулаченных, о ссыльных переселенцах и других тысячах невинно пострадавших. Страшные вещи рассказывали. Не верили мы этим «сказкам». Не могло быть такого на нашей Родине. Но даже если из сказанного что-нибудь правда, то при чем тут мы? И спасались обычной обывательской истиной: «Зря не посадят!» Как слаб человек в своей судьбе, когда окружает себя мифами и надеждами!

В дни, когда отца посещали тяжелые раздумья, когда он вспоминал неласковый прием в консульстве по поводу его избиения, на сцену выходил я. Только что мне вручили диплом «техника-технолога жиропищевой промышленности» одновременно с советским паспортом (в неполных 16 лет), и я произносил речь:

– Вы как хотите, можете не ехать. А я пойду в консульство, и меня запишут в первую группу уезжающих!

Отец
Харбин. 1934

Мама
Харбин. 1935

Борис
Харбин. 1935

Мама начинала всхлипывать, Вовка, глядя на нее, тоже пускал слезу, отец багровел и двигал желваками – знал, что я могу выкинуть любой номер.

Небольшое отступление. В 1977 году вернувшийся из Америки человек, встречавшийся там с Владимиром, привел эти мои выступления дословно. Владимир вместе с приветом передал, что именно моя непреклонность в ту драматическую минуту решила выбор семьи. По Вовкиному мнению, я главный виновник всей последующей трагедии. Жалко, что ушел Вовка в другой мир, умер с такой мыслью. Не пришлось нам поговорить по душам. Может быть, я переубедил бы его?

На Родине

Наступил май 1935 года. Один за другим уходили на Север эшелоны, увозившие бывших работников КВЖД (кавэжединцев) на Родину. Наша очередь подошла пятого числа. Какая-то необыкновенная дружба и взаимопомощь установились между людьми, не знакомыми до этого. Каждый стремился чем-то обрадовать другого. Эшелоны из двухосных красных товарных вагонов на шестнадцать тонн каждый стояли в запасных тупиках. Вагон давали на две семьи. Грузи что хочешь, хоть корову, хоть автомобиль. На погрузку отводилось два дня. Нормально, без суеты и паники.

Те, кто работал на КВЖД до последнего дня по той системе заработной платы, что там действовала, получили много денег: заштатные, пенсионные, за выслугу лет – и стали их тратить на приобретение вещей для новой жизни. Некоторым не хватало полвагона для всего того барахла, что везли они с собой. Зная, что на Родине с продуктами туговато, запасались консервами, как будто бы ехали в экспедицию не на один месяц. У некоторых остались деньги, они перегнули их в золотые вещи и драгоценности. У нас таких проблем не возникало. Продали автомобиль за цену, конечно, меньшую, чем покупали, но и этих денег хватило, чтобы собраться. Маме купили шубу из колонка, мне – серое драповое пальто на все сезоны, Вовке – скрипку, отцу – красивые полуботинки и золотые часы фирмы «Павел Буре». Из вещей забрали с собой все, что стояло в доме, даже те самодельные стол и скамейки, которые отец мастерил по приезду в Чен-ян-хе. Был еще грандиозный сундук вместо шкафа, куда влезло все остальное. Из продуктов мама напекла пряников, а я, пользуясь неразберихой, какая царила в последние дни в техникуме, успел сварить на экспериментальной установке целый ящик розового туалетного мыла и приволок его к вагону. Так и поехали. К товарным вагонам с нашим багажом прицепили несколько пассажирских, в которых мы разместились на ночлег. Ехали через Цицикар, Хайлар, Маньчжурию до первой пограничной советской станции Отпор. Пограничники досмотра вещей не делали, только предупредили: «Не везите белогвардейских газет и брошюр, чтобы не было у вас неприятностей!» На этой станции нас пересадили в советские спальные вагоны, багаж перегрузили в пульманы, а состав, который нас доставил, возвращался обратно. Это была собственность другого государства. Никогда не видел я отца таким веселым и возбужденным. Все сомнения остались позади. Его ждали работа, квартира и весь тот минимальный набор, чтобы чувствовать себя счастливым. Настрадавшись за пять лет от безработицы и неопределенности, он наконец-то обрел душевное равновесие и первые радости. Он демонстрировал чудеса силы и ловкости, до которых был большой мастер и охотник. С удовольствием перетаскивал багаж из всех вагонов. Там, где четверо грузчиков не могли сдвинуть ящик с места, он умудрялся сделать это один. Его похваливали, он радовался, как ребенок, и еще больше старался. Здесь, на Отпоре, к нашему составу прицепили вагон-клуб с представителем от Управления Среднеазиатской железной дороги, в распоряжение которой большинство из нас поступало.

Владимир (справа)
Харбин. 1935

«Комиссар» (так мы прозвали представителя Среднеазиатской железной дороги) сопровождал нас до Ташкента и объяснял нам «непонятное». Что все трудоспособные уже зачислены на рабочие места: те, кто имеет специальность, – по специальности, а тем, у кого ее нет, будет предложена работа по выбору. Что насчет квартир волноваться не нужно – всё продумано: каждая семья получит отдельную квартиру соответствующей площади по числу человек. Что зарплата нам уже начисляется с момента, как мы пересекли границу, и что еще нам выдадут «подъемные», связанные с переездом.

Все было так, как сказал «комиссар». В середине мая мы прибыли в Ташкент. Поселили нас на улице Буденного, недалеко от вокзала и почти рядом с базаром. Все блестело краской и пахло свежей побелкой. Две комнаты (одна за другой), кухня, веранда. Во дворе протекала шумная река Салар. Как все было интересно и необыкновенно! В сарае, который нам отвели, я нашел гору книг, подшивок и старых журналов «Нива», «Вокруг света». Все это принадлежало тем, кто жил в этой квартире до нас. (Спрашивал я соседей, почему они их не забрали. Соседи смущались и говорили: «Не беспокойтесь, они им теперь не понадобятся». «Значит, уехали куда-то», – подумал я и больше с расспросами не приставал.) Жалко, что нам этим богатством воспользоваться не пришлось. Но об этом особый разговор.

Ташкент

Началась совсем не похожая на все предыдущее жизнь в Ташкенте. В январе 1935 года в Советском Союзе отменили карточную систему на продукты и промтовары. Мы, дети, никогда не видевшие карточек, не могли понять, чему радуются окружающие. Еще не ликвидировали «Торгсин», и те, кто хотел запастись продуктами высшего качества, несли туда золотые безделушки. Обмен был выгодный и непонятный. По сравнению с харбинскими ценами продуктов выдавали во много раз больше. Хорошо, что нас такие вещи не волновали: менять было нечего, а с золотыми часами отец никогда бы не расстался. Жили мы уже на свои заработанные деньги. Отца послали в гараж при Управлении Среднеазиатской железной дороги механиком,

а меня – лаборантом в отдел водоснабжения. Начальником отдела был товарищ Новожилов. Запомнилось его сухое энергичное лицо. Сразу дали мне вагон-лабораторию, оборудованную для анализов воды, и с ходу послали в командировку до Красноводска. В вагоне я был один. Сам себе начальник и командир. Обязанности несложные: стандартные анализы воды на содержание, мутность, жесткость и прочее. Помню напутствие Новожилова:

Ташкент. Железнодорожный вокзал
1916

– Вы работаете на железной дороге. Вас должна интересовать не та вода, которую пьют в этих местах, а та, которой мы заправляем паровозы!

Проработал я в отделе недолго. Мама хотела, чтобы я продолжал учиться. Подал заявление в САГУ (Среднеазиатский государственный университет) и, к моему великому удивлению, был принят без экзаменов на 1-й курс химического факультета. Вовка определился на старший курс Консерватории по классу скрипки. Мне очень не хотелось учиться, а хотелось самостоятельности, первых заработков. Заботы матери меня откровенно тяготили.

Между тем в семье нашей назревал скандал. Объявил отец в местной самодеятельности, что может играть на гитаре. С этого все началось. Задерживался на репетициях, флиртовал с женщинами. Все, что раньше за ним не замечалось, с переходом на новую работу и должность проявилось с неожиданной стороны. Стал он откровенно изменять матери. Мама сильно переживала, много плакала, устраивала ссоры. Однажды отец... избил мать. Это было уже слишком. Дождавшись его с работы, я подступил к нему с кулаками:

– Если ты (задыхался я) еще когда-нибудь тронешь маму... я убью тебя!

Отец остановился. До этого в семье никто никогда не смел противоречить ни одному его слову. Отец выдержал паузу, как бы осмысливая услышанное, и сказал свое:

– Если ты, щенок, подымешь на меня руку, я раздавлю тебя как козявку. Ты меня хорошо знаешь, я трепаться не люблю!

Вот такой первый (судьбе было угодно, чтобы он стал последним) серьезный разговор состоялся у меня с отцом. Как могло такое случиться? Теперь я объясняю это так. Пока отец работал на КВЖД среди служащих и интеллигенции, он вел себя в быту безупречно. Не пил, не

курил, был сдержан в отношении женщин. Работая таксистом во враждебном окружении, он, во-первых, уставал смертельно, во-вторых, был осторожен. В новом качестве механика гаража появились у него свободное время и лишние деньги, а бытовые нравы на новом месте среди новых людей были распущенными. Вот и понесло отца по волнам вседозволенности.

Ташкент. Здание, где находился химический факультет Среднеазиатского государственного университета
1929

Мы с Вовкой стали убеждать мать, чтобы она развелась с отцом. Она обещала подумать и, кажется, начала действовать. Какие-то заявления писала. Чем закончилась эта история, мне не пришлось узнать. Отец от нас ушел, а так как только он работал на железной дороге, а я уже был в университете, нас с этой квартиры переселили на улицу Первомайскую. Чувствуя свою ответственность за эти перемены, я решил, что должен оставить учебу и пойти работать. Вовка тоже пошел зарабатывать деньги, играл на скрипке в джаз-оркестрах. Мама горе свое утопила в «Зингере», выполняя уйму заказов по женским платьям. Нет, материально мы не бедствовали, но только теперь понимаю, какую боль перенесла наша мама.

Борис Христенко
Москва. 28 июня 1936

Списался я с товарищем и объявил, что оставляю САГУ и еду на работу в Казань. Шла весна 1936 года. Трудным было прощание с матерью. Она оставалась одна. На Вовку надежды мало, был он еще мал: всего четырнадцать лет.

Напоследок сказала мне мать:

– Нехорошо как-то получается. Неужели нельзя найти тебе работу здесь, в Ташкенте? В трудную минуту оставляешь меня одну.

Как мог, я успокоил мать. Знать бы, что это был наш последний разговор. Вечным упреком, теперь уже до могилы, смотрят на меня ее глаза, полные слез. Прости мне, моя дорогая мамочка, глупость мою и жестокость по отношению к тебе, любимой!

* * *

Сегодня 6 января 1992 года. День 100-летия со дня рождения моего отца. Глубокая ночь, но вдохновение, что пришло ко мне сейчас, нельзя оставить без внимания. Я, кажется, смогу на одном дыхании закончить начатую повесть об отце и, может быть, начать ту книгу о моей семье, которую продолжают мой сын, его дети, дети его детей. Мы не можем вырастить 500-летнюю сосну, но продолжить записки, начатые мной, должны, чтобы восстановилась прерванная связь поколений.

Слово об отце

О жестокости и дикости 1937 года написано достаточно. Расскажу только о судьбе кавэ-жединцев, к которым принадлежала наша семья. В Россию вернулось около 45 тысяч, если считать только работоспособных взрослых, а у каждого была семья, родители. Всего наберется около 150 тысяч. Всех пропустили через гигантскую мясорубку, рассчитанную на то, чтобы

никто не остался живым. Тюрьмы, лагеря, ссылки, детские дома и приюты – все было «задействовано» и все отлично «работало». Потом, через 30 лет, те, кто случайно остался живым, и те, что умерли, были реабилитированы «ввиду отсутствия состава преступления» (!).

Как расправились с нашей семьей? Отца арестовали в июле 1937 года. Я приехал в Ташкент из Казани, еще не зная об этом. Дома застал одного Вовку. Обратил внимание, что вся комната до потолка завалена вещами. От брата узнал, что когда забирали отца, все его вещи сгрудили в нашу единственную комнату.

Отец
Ташкент. 1937

Развелась ли мать с отцом? Владимир ответить не мог.

А где она сейчас? На допросе, вызвали в НКВД. Но еще больше я удивился, когда через два часа после моего появления пришли и за мной. Вот так четко работала машина, в которой на ролях осведомителей были заняты тысячи людей. Кто-то из соседей доложил о моем приезде. Зачем меня вызывали, я догадался тогда, когда меня провели перед кабинетом следователя с открытой дверью. В кабинете лицом ко мне сидел отец. Он меня увидел, успел даже кивнуть мне.

Я остановился, но меня подтолкнули в спину, чтобы не задерживался, и выгнали из помещения. Вот и все. Для чего весь этот трюк был задуман, не понимаю до сих пор. Что-то хотел выжать из отца следователь-психолог? Или показать, что я тоже арестован? Не знаю.

Такой была моя последняя встреча с отцом. Навсегда запомнилось его спокойное лицо.

Вернулся я на Первомайскую, ждал мать до вечера. Она с допроса не вернулась. Взял у Вовки денег на обратную дорогу и в тот же вечер поездом поехал в Ашхабад. Думал встретить там друга по техникуму, который приехал вместе с нами из Харбина и был направлен работать в Ашхабад. Увы, его родители и он сам уже были «взяты». Под большим страхом об этом сказали мне соседи, тоже кавэжединцы, ожидавшие с минуты на минуту своей участи. Знали, что забирают всех. Семьями, подъездами, домами по специальным спискам. Никто не должен был остаться и уцелеть на воле.

Решил я в Ташкент не возвращаться. Пусть побегают за мной, я люблю приключения. В Казань мне все-таки надо было вернуться, забрать вещи. И пустился я в «вольные бега».

Мать арестовали весной 1938 года. Судили трибуналом. Отбыть свой срок «честно» не хватило у матери сил. Скосила ее пеллагра. Чтобы не увеличивать показатели смертности в ГУЛАГе, безнадежно больных «актируют», освобождают, чтобы они умирали на воле. Протянула наша мама до апреля 1946 года и умерла от истощения, слепая, одинокая, беспомощная.

У Владимира своя история. Забрали его разом с матерью. Посадили в следственный изолятор. По тем временам в камеру, рассчитанную на двадцать человек, заталкивали сто двадцать. А Вовке еще не было шестнадцати лет, и он «сломался». Элементарно сошел с ума.

Симуляция исключается: у тех врачей, что в тюрьмах, «дешевые» номера не проходят.

В конце 1937 года забрали соседей, живших рядом с мамой. Фамилия хозяина была Бударный. Поскольку забирали их всех сразу, они распорядились, чтобы их вещи и обстановку передали матери на ответственное хранение. Вместе с вещами отца в квартире образовался натуральный склад, повернуться было негде.

Тут на сцене появляется новая фигура – тетя Груня, сестра матери. Узнав, что отца посадили, она немедленно из Полтавы перебралась в Ташкент. Дождалась, когда посадили всех, и осталась хозяйкой всех вещей, оставленных двумя семьями. Покрутилась около года, дождалась, что Вовку, не вполне нормального, выпустили. Оформила опеку над ним. Потом нашла мать где-то на пересылке и добилась от нее доверенности на все оставленное имущество, в том числе принадлежавшее Бударным. Быстренько организовала пару вместительных контейнеров и все добро вывезла в Полтаву. Вовка поехал с ней – куда ему деваться?

Мама
Ташкент. 1937

Брат Владимир
Ташкент. 1937

Много лет спустя на улице Первомайской рассказывали мне очевидцы про ловкость и изворотливость тети Груни. Захватив все наше и чужое добро, она день и ночь молилась своему Дьяволу, чтобы сдохли все, кому она должна. Как она надеялась!

Вернувшись в Ташкент полуживая и голодная мама не дождалась помощи от Груни, которая ждала ее смерти, чтобы остаться хозяйкой наших вещей. Сволочь, одним словом.

А так как я остался живым укором на ее совести, она в первый день нашей встречи накачала на меня «телегу» на имя начальника областного Управления внутренних дел: «Бежал из лагеря опасный человек...» Помотали мне нервы потом всякими проверками. Тогда это было просто. Удивительная старушенция! Исчадие ада под именем Агриппина Ивановна Коваль.

В 1941 году в Полтаву вошли немцы и хозяйничали там три года. Вовкин след потерялся. Меня забрали 28 декабря 1937 года.

Так расправились с нашей семьей, подобрали подчистую.

Через сорок лет встретил я человека, который убедил меня, что Владимир жив, дал его адрес. Завязалась переписка. Мы готовились встретиться, но не успели. В 1981 году от сердечного приступа Владимир умер. Он похоронен в Америке, в городе Канзас-Сити, штат Миссури.

За окном рассвет, ночь воспоминаний кончилась. Наспех я рассказал историю жизни и смерти разных людей, когда-то носивших одну фамилию, живших одной семьей.

Фантазия

В голову пришла фантазия. В день своего 100-летия поднялся из праха отец и на правах старшего, как это всегда было, протянул руку к моим запискам: «А ну, сынку (переходил иногда он на родной украинский язык), покажи батьку, шо ты о его жизни намалював?»

Я смотрел бы, как он читает мои записки, следил за выражением его лица, угадывая те места, которые он одобряет или с которыми не согласен. Наблюдая за лицом читающего человека, многое можно понять. Уверен, что кое-чему он удивился бы. Что я сказал бы отцу?

Прости, отец! Я не хотел тебя обидеть, записал все так, как запомнил, как понимал тогда и как понимаю теперь. Оба мы взрослые люди. Я пережил тебя намного, но все равно признаю твое право старшего и за всех наших Христенков, которых ты знал, отчитался перед тобой. По счастливой случайности род наш не исчез.

Теперь пойдут новые Христенки, у них будет другая судьба. Жаль, что не все фантазии сбываются и такой разговор никогда не состоится.

Прощай, батя! Все, что мог, я сделал. Знать бы, где твоя могила, поехал бы обязательно поклониться твоему праху. Был ты простым человеком, не знаменитостью, не героем, в честь юбилеев со дня рождения которых устраивают торжества, так прими же первую часть этой повести как подарок к твоему 100-летию.

Историческая справка

Маньчжоу-Го (маньчжурское государство), марионеточное гос-во, созданное япон. империалистами на территории Сев. – Вост. Китая – Маньчжурии и существовавшее с марта 1932 по авг. 1945. Подвергалось колон. эксплуатации и использовалось в качестве военного плацдарма для агрессии против остальной территории Китая, СССР и МНР. Терр. М.-Г. – свыше 1 млн кв. км. Нас. ок. 30 млн человек. Столица г. Чанчунь, переименованный в Синьцзин («Новая столица»).

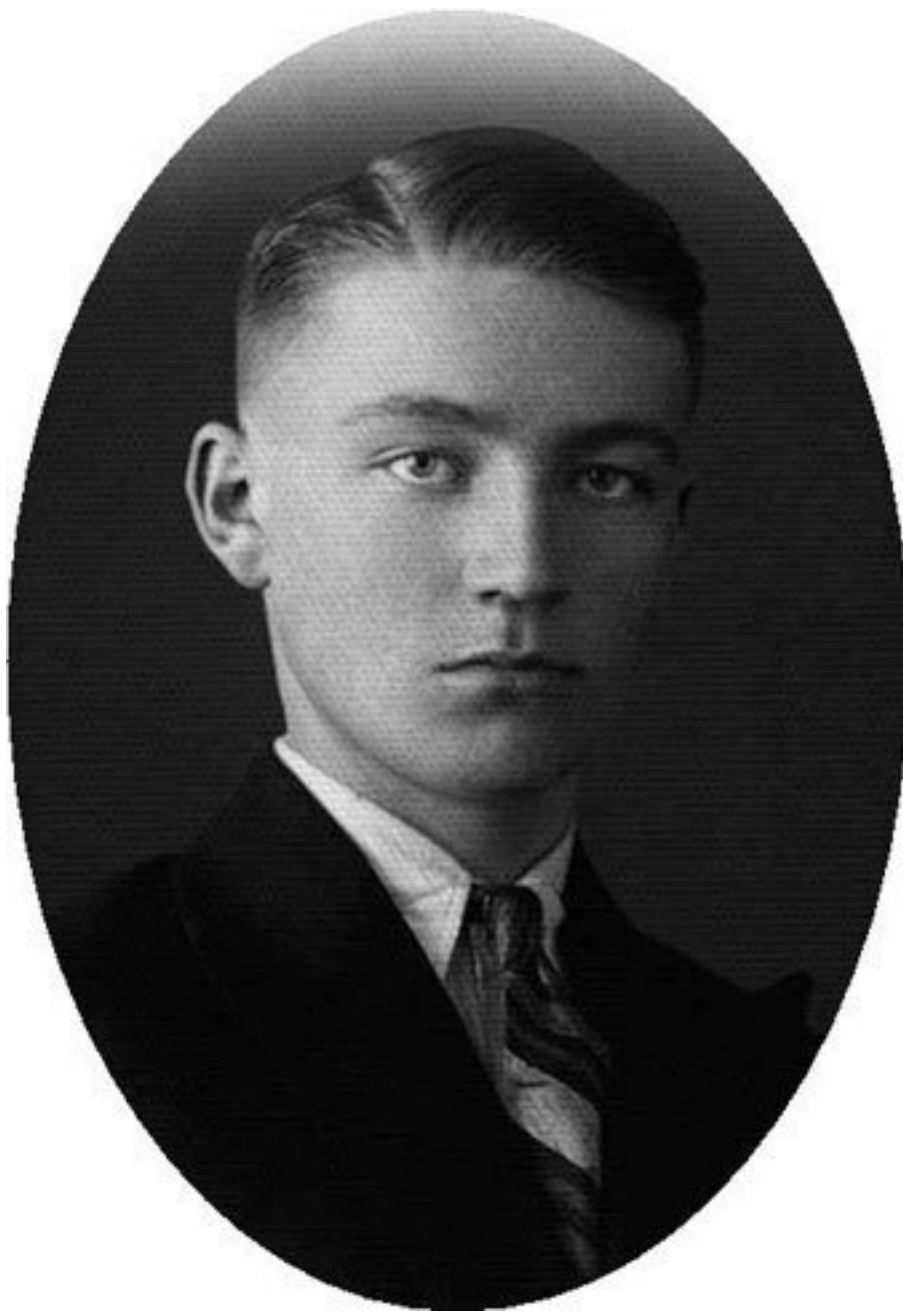
В ночь с 18 на 19 сент. 1931 Япония, провокационно обвинив китайцев в разрушении в р-не Шэньяна (Мукдена) полотна принадлежавшей ей Южно-Маньчжурской ж. д., ввела войска на терр. Сев. – Вост. Китая. Китайские войска, выполняя приказ гоминьдановского пр-ва, не оказали сопротивления. В результате Япония в течение нескольких месяцев почти беспрепятственно овладела территорией трех сев. – вост. провинций Китая (в 1934 также провинцией Жэхэ) и создала там марионеточную администрацию, к-рая провозгласила в марте 1932 создание «независимого» М.-Г. Верховным правителем («правителем-регентом») М.-Г. стал последний император Маньчжурской династии Цин (правила в Китае в 1644–1911; формальное отречение от престола – февр. 1912) Пу И, связанный с японской разведкой. 1 марта 1934 он был провозглашен императором М.-Г. Всеми делами М.-Г. фактически руководили япон. советники и чиновники, занимавшие большинство ответств. постов. Большую роль в идеологич. обработке населения играло созданное ими об-во Сехэхой (Общество согласия), усиленно пропагандировавшее идеи «великой миссии Японии в Азии». В М.-Г. был установлен военно-полицейский режим. За время оккупации Сев. – Вост. Китая япон. милитаристы увеличили численность части Квантунской армии, находящейся в М.-Г., с 12 тыс. до 780 тыс. чел. (армия марионеточного гос-ва была доведена до 170 тыс. чел.), создали систему укрепленных р-нов на границе с СССР, построили сеть стратегич. шоссейных и ж. д., аэродромов и др. воен. объектов. С территории М.-Г. Япония в течение 1933–39 неоднократно устраивала военные провокации против СССР и МНР, в том числе крупные провокации в 1938 в р-не оз. Хасан и в 1939 в р-не р. Халхин-Гол. Она грабила естеств. богатства

Сев. – Вост. Китая, создала различные предприятия по добыче и переработке естеств. сырья, производству чугуна, стали, синтетич. топлива для своих военных нужд. Были введены система с.-х. поставок по низким ценам и трудовая повинность. Лучшие земли передавались япон. колонистам. Жестокая эксплуатация и полицейские порядки вызывали сопротивление со стороны местного населения. С 1932 действовали многочисленные партизан. отряды, к-рые в 1935 были объединены в Сев. – Вост. объединенную антияпонскую армию, возглавлявшуюся кит. коммунистами. Однако к 1941 большая часть партизан. отрядов была разгромлена японцами. В пограничных с Кореей р-нах действовали также корейские партиз. отряды.

В авг. 1945 на завершающем этапе 2-й Мировой войны 1939–45 Сев. – Вост. Китай был освобожден от япон. оккупантов Сов. Армией, что положило конец существованию М.-Г.

БСЭ, изд. 1974 года, том 15, с. 346

Часть вторая

Детство

Немовляtko

Так по-украински нежно называют грудных и еще не говорящих младенцев. Было такое время и у меня. Все, что происходило тогда, запомнилось по рассказам матери, которые она часто повторяла. Все происходило во Владивостоке. Родился я на Второй Речке. Несмотря на то что это большой район города, уточнить, где именно случились эти события, не составило большого труда. Высокое место, круто обрывающееся к железнодорожному депо и тем мастерским, где работал отец. Такое место в городе одно. Высота обрыва больше двадцати метров. Если смотреть сверху вниз, то множество железнодорожных путей кажутся паутинками, а проходящие там люди – ползающими букашками. Дошчатые бараки, обмазанные глиной и побеленные известкой, стояли вдоль этого обрыва, отгороженные ветхим забором. Когда-то бараки выполняли роль казарм, поэтому в них разместили прибывший с Украины сводный железнодорожный батальон солдат. Семейных пар среди солдат не было, отец с матерью составляли исключение, из-за этого им на двоих выделили единственную в бараке кладовую-каптерку, имевшую четыре стены и запиравшуюся на замок дверь. Какой-то старшина распорядился, чтобы мать заведовала каптерским имуществом, поскольку живет на самом складе. И мама «забесплатно» исполняла такую должность. Становление советской власти во Владивостоке проходило мучительнее, чем во всей России. В военных делах мама не разбиралась, но рассказывала, с каким ужасом ждали в бараках очередной смены военных властей. Множество армий шаталось по городу, но самыми страшными были налеты разгромленных белых банд Колчака и мародеров из казачьих сотен атамана Семенова. Дальний Восток был их последней надеждой, и цеплялись они за нее всеми силами. Кстати, для справки, советская власть установилась во Владивостоке только в 1924 году.

Русский солдат – человек покладистый, и тяга к оседлости в нем сильна. Вскоре в бараке появились «временные» и «постоянные» жены, а там и первые младенцы не заставили себя ждать. Я родился одним из первых в 1919 году. Пока был один на всех, баловали меня все, кто чем мог. Постепенно я обнаглел и, заходя в любую комнату (барак поделили на комнаты ситцевыми занавесками), требовал себе угощения. Ходил голышом, без штанишек, и всем мои похождения нравились. Когда к двум годам на голове у меня появились белые вьющиеся кудри, ниспадающие до плеч, стал я похож на ангела с пасхальных открыток. С легкой руки барачовских женщин прозвали меня Ангелок. Так как я к этому времени выучил два слова «ням-ням», то в бараке так и говорили: «Не приходил еще Ангелок „ням-ням“?» Знали за мной еще одну страсть: где бы ни увидел кусок известки, подбирал и с великим наслаждением съедал его. С большим трудом в два с половиной года мама надела на меня штанишки, при этом приговаривала:

– Все ангелы ходят в штанишках!

Борис Христенко. Прошло трудных 76 лет, прежде чем Ангелок написал эту книгу
Владивосток. 1921

Владивосток. Американские солдаты на станции Вторая Речка
1918–1919

Иначе не уговорила бы, наверное. Упрямства уже в то время мне хватало. На фотографии, сделанной в три года, перед тем как сняли с меня ангельские кудри, есть в лице что-то вызывающее.

Был страшный случай, о котором даже много лет спустя мама вспоминала с дрожью в сердце.

Однажды днем пасшаяся на краю обрыва коза загремела с обрыва вниз (то ли оступилась, то ли под ней обрушился край земли). Насмерть, конечно. Хозяйка козы подняла истошный вой: по тем скудным временам потеря большая. Окружили ее сочувствующие бабы, стали успокаивать.

Я с мамой тоже был в этой куче. Захотелось мне узнать подробнее, как такое могло случиться? Ушел я из этой толкучки незаметно для мамы, пошел на край обрыва, раздвинул гнилые доски забора, а дальше уже пополз. Страшно все-таки. В это время мама хватилась меня и, дико вскрикнув, бросилась за мной, раскидала остатки забора и опустилась на землю почти без сил. Крикнуть боялась, чтобы не спугнуть, а достать меня рук не хватало. Поползла попластунски, молча. Боялась одного, что не выдержит край земли ее груза – ведь под козой обвалился. Доползла, схватила, и как добежала до барачков – не помнит. Долго душили ее слезы истерики, кругом толпились такие же перепуганные женщины, а я ходил рядом во всем своем ангельском великолепии и спрашивал: «Тетеньки, скажите, почему мама плачет?» Недели две меня из комнаты не выпускали на улицу. Через 70 лет я посетил эти места. Постоял на обрыве. Бараки за ветхостью снесли, кругом – современные пятиэтажки. По сгнившим кольям можно угадать место, где проходил тот забор на краю обрыва. Стоял и думал о матери, и показалось мне, что это она, красивая, молодая, двадцатилетняя, сейчас подбежит сюда и спасет своего «ангелочка» от смертельной опасности. Стоял, думал, а слезы душили меня так, что сопровождавшие меня товарищи из Дальневосточного политехнического института отошли в сторонку и замолчали. Мне казалось, что я действительно пришел на свидание со своей любимой мамочкой, что когда-то дала мне жизнь, выносила на своих руках, учила первым слогам мудрых слов и первым добрым поступкам. Я рыдал и не стеснялся своих слез. Боже мой! За всю жизнь я не сделал для матери ни одного доброго дела, не подал стакан воды, не поправил подушку под ее уставшей головой, не выполнил ни одной ее просьбы. Прости меня, родная,

нас рано разлучили, и нет моей вины перед тобой. Но все же это – грех, который я стократно искупил в тяжких страданиях, пока не встретился с твоей тенью на этом обрыве.

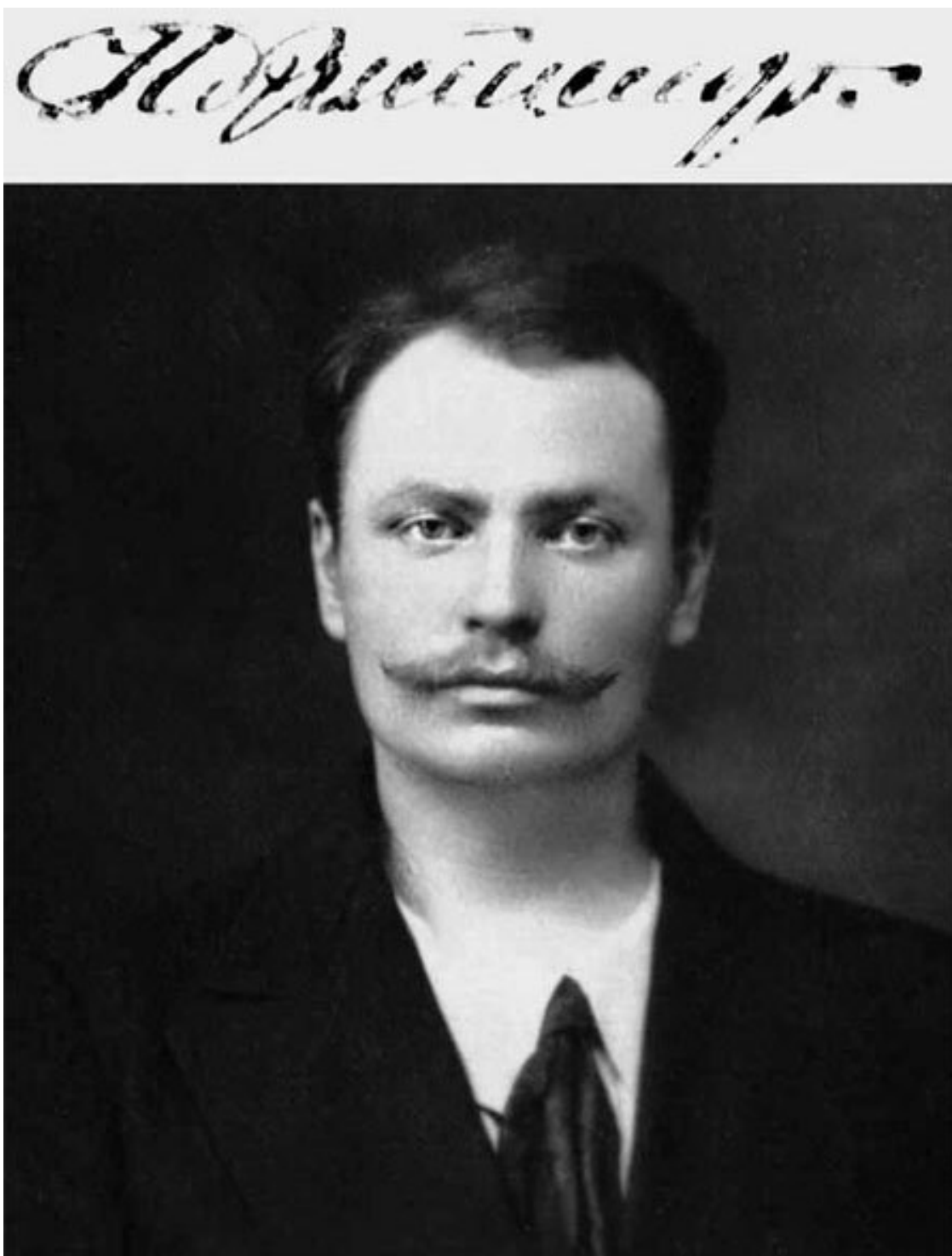
Владивосток. Вид на Амурский залив и казармы Второй Речки
1918–1919

Обратно мы уходили молча. Понимая мое состояние, друзья не проронили ни слова. В этот день все деловые встречи были отменены.

Детство

Помню я себя очень рано, всегда удивлял родителей рассказами о запомнившихся мне деталях каких-то событий, когда мне было чуть больше трех лет. И сегодня то, что было со мной семьдесят с лишним лет назад, иногда вспоминается с невероятной четкостью. Наверное, это – качество многих детей, только не все на это обращают внимание. Полезно или нет готовить детей к школе в пять лет? На своем примере могу подтвердить: вреда не будет. Конечно, такое совпадение обстоятельств, какое навалилось на меня, в жизни встречается нечасто, но я не представляю себе, как сложилась бы моя жизнь, если бы вдруг не хватило тех нескольких месяцев, за которые я успел закончить техникум и получить диплом. Ведь я в 1935 году уже поступил в САГУ на химический факультет и до войны мог бы его закончить. Но все это с приставкой «если бы». Реальным был диплом техника. Только поэтому меня послали в Ленинград на годичные курсы осваивать контрольно-измерительные приборы (КИП) теплового контроля, чтобы потом работать в цехе КИП. Без техникума такой командировки не состоялось бы. Многие были бы невозможным без этого условия, а все началось именно с того, что отец в пять лет начал готовить меня к школе. Все, что делал отец, всегда отличалось оригинальностью. При моей подготовке он применил свой метод. Начинать вроде что-то показывать, на полдороге останавливался и задавал мне урок «от сих до сих на завтра». О том, чтобы не выполнить задание, не могло быть и речи, а как я выкручивался, его не интересовало. Мог только похвалить или поругать. Может быть, в этом перенапряжении и состояла главная прелесть его методики. Успешно выполненное задание наполняло меня гордостью, а невыполненное заставляло стыдиться. Рос я любознательным до крайности. Удивить меня чем-то было трудно; еще не дослушав, не досмотрев, недопоняв, я готовил вопрос: «А почему?» Если мне не могли объяснить, я

пытался сам докопаться до истины. Иногда это плохо заканчивалось. Был у нас в доме будильник фирмы «Юнганс», исправно служил много лет. Пока жили на Пристани, гудок Механических мастерских будил весь дом, в будильнике большой надобности не было – о нем все в доме вроде забыли. Только я не мог успокоиться, сильно мне хотелось узнать, как он звонит, когда надо? Отверткой, плоскогубцами, мне кажется, я научился работать одновременно с ложкой. Разобрал я будильник, развинтил все, что можно, а собрать, конечно, не смог. Для шестилетнего ребенка это слишком. Переехали мы в Новый Город, здесь заводских гудков не было, и всем сразу понадобился будильник. Больше всех разозлился отец и крепко меня отлупил. Причем не за то, что я часы разобрал и не смог собрать, а за то, что не сказал об этом ему и попытался изуродованную вещь спрятать. В каждой такой лупке была своя мораль, а любопытство мое поощрялось. Научила меня мама читать по слогам и всячески поддерживала мой интерес к книгам, пока я сам не увлекся Фенимором Купером, Джеком Лондоном, Марком Твеном и многими другими писателями. Особенно поощрялось чтение русских классиков. Все сказки Пушкина я знал наизусть. За ними пошли Лермонтов, Тургенев, Некрасов. Все это пришлось по душе и сердцу десятилетнему человеку. Не было телевизоров, радио – не было ничего, что отвлекало бы. Как это здорово, как благодарен я родителям за то, что именно в этом возрасте они подарили мне то видение мира и ввели меня в ту философию, что проповедовалась лучшими представителями человечества во все времена!

Отец
Харбин. 1922

Мама

*Фотография для документов на выезд в Харбин.
Владивосток. Лето 1922*

Я не боюсь высокопарных слов. Все, что я постиг в книгах, все, что прочитал и осмыслил, что сформировало меня как человека, пришлось на детство и закончилось к пятнадцати годам. Вместе с героями книг я скитался в прериях, одолевал ледяные пустыни, пробирался в джунглях с мечом в руках. Первые уроки добра, благородства, уважения к старикам, справедливо-

сти и чести преподали мне умные, добрые книги. С тех пор живет во мне трепетное уважение к книге: увидев перегнутую, заломленную страницу, я испытываю физическую боль. Самое удивительное, что это чувство не покидало меня в дни жестоких испытаний, когда, казалось, жизнь уходит от меня, и было совсем не до книг.

В неполных шесть лет отвел меня отец в престижную по тем понятиям гимназию Андерса. Пришлось показывать все, на что я был способен. Приняли безоговорочно в первый класс. Запомнились первые учителя. Вечная им благодарность и уважение. Трудилась над нами Зинаида Ивановна Баталова, делала из нас «человеков», вела все предметы, кроме Закона Божьего, на который специально приглашали батюшку. Был такой урок – чистописание – очень трудный для меня, потому что я увереннее держал в руке молоток, чем ручку с пером. Знала Зинаида Ивановна, что я неплохо рисую, однажды подошла и сказала: «Не мучайся напрасно, рисуй эти буквы, ты ведь можешь их нарисовать по этим линейкам». Потом похвалила мои первые опыты, и, представьте себе, вдруг я стал чисто писать. Весь класс и родители удивились. Великое дело – первые педагоги в жизни ребенка. Почему я оказался в гимназии? Дело в том, что школ для советских детей на Пристані не было, а ездить в Новый Город одному малышу было трудно. Водить за руку, ездить на автобусах с двумя пересадками было некому. Так началась полная забот школьная жизнь. И все равно каждую свободную минуту я использовал на то, чтобы понаблюдать за жизнью китайцев, толкался на свадьбах, шел вместе с похоронными процессиями, останавливался возле харчевен, смотрел, как работают уличные торговцы, мог часами наблюдать, как ведут себя китайцы, разгружая баржи или на земляных работах. С детства я проникся глубоким уважением к безответным труженикам, рядовым китайцам, дружил с китайчатами и до сих пор клянусь себя за то, что не выучил китайский язык.

Борис
Харбин. 1929

Гимназия пошла мне на пользу. Когда переехали мы в Новый Город и пошел я в нормальную школу для детей советских граждан, оказался я в числе твердых «хорошистов», а то, что я на два года младше всех, никого не касалось. Страдал я по другой причине: был слишком раскормлен, ухожен, с абсолютно круглой рожцей и ниже среднего роста. Тут же мне приклеили прозвище «Христос», так оно за мной всю школьную жизнь до окончания техникума

тянулось. И снова встреча с хорошим педагогом. Был у нас преподаватель математики Иван Самсонович Забелин – вечная ему память и благодарность. Он не просто помог нам полюбить математику, он заставил нас полюбить сам процесс обучения, узнавания нового, постоянного удивления окружающему. В какой школе нет баловства? Какие школьники могут в перемену спокойно выйти в коридор, чтобы никого не зацепить, не толкнуть? И каким нужно пользоваться авторитетом, чтобы, только показавшись в конце коридора, сразу установить в нем тишину и порядок? Такой фигурой, наводившей трепет почитания, мгновенно останавливающей любое «свободомыслие», был директор школы Иннокентий Ильич Башмаков. Как ему удавалось завоевать уважение ребят? В этом – глубокий секрет педагогического мастерства. Он никогда не повышал голоса, никогда не грозил кому-либо исключением, говорил подчеркнуто тихо и уважительно. К каждому ребенку обращался на «вы». Был в нем какой-то секрет обаяния, что заставлял затихать самых буйных. Можно было бы назвать еще многих, оставивших след в моей памяти своей безупречной выдержкой, великолепным изложением знаний, образцом отношений между преподавателем и учащимся. Все вместе наши педагоги создавали тот неповторимый климат, когда сквозь буйство детских чувств и эмоций, шалостей и вольности появляется главное – желание учиться.

О том, как важен общий базовый фундамент среднего образования, я мог убедиться на своем примере. Знаний, полученных в школе и техникуме, мне хватило для того, чтобы много лет спустя успешно справиться с заочным высшим техническим образованием и даже выйти на защиту кандидатской диссертации. В связи с этим вспомнилась роль преподавателя, который вел у нас в техникуме курс неорганической химии. Это был очень интересный, эрудированный педагог. Его рассказы (именно рассказы, а не лекции) запомнились на всю жизнь. В сложные формулы и уравнения химических соединений он вкладывал какое-то человеческое содержание: трудно запоминающиеся символы оживали, а латинские названия легко усваивались. Когда в работе над диссертацией мне понадобились знания химии – в это трудно поверить, я не обращался к новым источникам, – хватило того, что вложил в меня в свое время преподаватель химии Лундстрем. Да, это был старший брат знаменитого у нас в России организатора и дирижера джазового оркестра, недавно отметившего свое 80-летие, Олега Лундстрема.

Первая любовь

Пришлось мне испытать это чувство в двенадцать лет. Не было в ней, избраннице моего сердца, ничего удивительного. Нормальная девчонка. Звали ее Валентина Мельник. Была она, естественно, старше меня на два года, как все остальные в группе. Выделялась среди других, подражавших моде и коротко стриженных, огромной косой, красиво уложенной венцом вокруг головки. Особое волнение вызывали хорошо обозначившаяся грудь и тонкий запах духов, которыми она уже пользовалась. Мы в это время переехали в Новый Город, а она жила в Чен-ян-хэ. Довольно большое расстояние от дома преодолевала сама, то есть была относительно самостоятельная и достаточно серьезная. Это была тема нашего первого разговора: как им там живется в том пригороде? С разговора все и началось. Понравилась независимость суждений, нестандартность мыслей и необычайная аккуратность в делах учебных. Надо сказать, что к этому времени я успел начитаться Шопенгауэра и разделял его невысокое мнение о женщинах. В применении к нашим девчонкам хватало убедительных примеров, подтверждающих правоту философа. И вдруг такая неожиданная встреча, когда все не так, все по-другому. Теперь мне уже не хватало встреч с Валею, я готов был часами слушать ее рассуждения о жизни, о поступках взрослых. А когда совершенно случайно я вдруг касался ее груди, меня пробивало током, я забывал, о чем говорил, умолкал, пока она не выводила меня из оцепенения простым:

– Ну, что ты замолчал?

На переменках старался встретиться с нею, чтобы перекинуться словом. Писал ей записки, так как времени между уроками на обмен накопившимися чувствами не хватало. Скоро между нами появилась связная. Девчонка из ее группы Женя Лисицына взялась быть моим душеприказчиком. Записки я писал вечерами и ночами, тайком от родителей, следивших, чтобы я выполнял заданные на дом уроки. Какие уроки? Какие задания? С каждым днем я все глубже погружался в какой-то сон, где одной мечтой, одним желанием было скорее проснуться, скорее снова встретить ее, говорить, читать ее ответные записки, любоваться ею.

Первой тревогу забила моя мама. Я перестал есть, задерживался после уроков, когда провозжал Валентину домой. Задумывался так, что не слышал, когда ко мне обращались. Существование потеряло для меня смысл, если в этот день я не встречался с Валею. Казалось мне, что в ее душе тоже проснулось ответное чувство – ее записки были полны прекрасных слов, рассуждений о любви, преданности, высоких моральных принципах. Мама пыталась расспросить меня, хотя все понимала без слов, отец одобрительно усмехался, братишка был еще мал, чтобы участвовать в обсуждении случившегося со мной. Все понимали, что я по-настоящему «болен» и лучше меня не трогать.

Конечно, в группе нашей моя «болезнь» стала предметом насмешек и розыгрышей, особенно когда одному из ребят удалось перехватить мою записку к Вале. Как обидно надо мной смеялись, какие только прозвища в мой адрес не придумывали! Я должен был все вытерпеть, тем более что накануне Валя первый раз за все время знакомства разрешила себя поцеловать и ответила мне поцелуем, не очень жарким, но запоминающимся. Сколько лет прошло с тех пор! Через какие испытания, душевные и физические, прошла моя жизнь! А радость от того первого поцелуя, безмерное счастье, которым он меня поднял над землей, жива по сей день.

Суд чести

История с перехваченной запиской имела продолжение. Я потребовал, чтобы тот, кто ее перехватил, вернул мне ее. Часть ребят в группе считала этот поступок некрасивым, оскорбительным. Другие считали, что не произошло ничего особенного и возвращать записку не обязательно. Предстояло разбирательство, «суд чести». Об этом стоит рассказать. Как завелся такой порядок, никто толком не знает. Говорят, что таким образом решались споры в кадетских корпусах. Может быть. Если большинство считает, что задета чья-то честь, обиженный вызывает обидчика на поединок, называется такая процедура «вызвать на „сачка“». Обычный кулачный бой, обставленный соответствующим ритуалом. Сначала оговариваются условия: «до первого синяка», «до первой крови» или «кто первый сдается». Затем приглашаются секунданты с каждой стороны, выбирают скрытое от посторонних место, обступают противников кружком, и начинается обычная драка, где можно действовать только кулаками. Нельзя хвататься за одежду, без подножек и всяких фокусов. Принял я все эти условия, насажал мне мой друг синяков, но мне удалось зацепить ему нос, показалась кровь. «Сачка» я выиграл, вместе с тем мне вернули записку, и моя честь была восстановлена. Вдуматься, так неплохой обычай разрешать споры между пацанами. Во всяком случае, никому в голову не могло прийти организовать драку, в которой несколько человек избивали бы одного.

Предательство

Угар, в котором я пребывал в дни своих ухаживаний за Валентиной Мельник, вдруг ослабел, когда мне несколько раз встретилась моя любовь в сопровождении Сережки Мостового. Этот парень из нашей группы был старше меня, спортивнее и интереснее, хотя начитанностью не блистал и особенных успехов школьных не имел. Он был на голову выше меня (малый рост всегда меня мучил), развязнее и смелее. Там, где я вздыхал, он, не сомневаюсь, действовал

руками. То, о чем я и думать не смел в отношениях с девчонками, для него был пройденный этап. Наверное, моя инфантильность и целомудрие надоели Валентине, захотелось чего-то более осязаемого, чувственного, на грани дозволенного. На мои страстные записки она по-прежнему отвечала регулярно. Все мои упреки и подозрения в измене отрицала. Заметно изменилось поведение связной Жени Лисицыной, постоянно присутствовала в ней какая-то ухмылка. Однажды она сказала такое:

– Долго ты будешь строить из себя рыцаря? Действуй смелее: Валя вся измучилась с тобой!

Что мне делать, как себя вести, что сделать для Вали? Умом, мне кажется, я понимал, но практически был беспомощен и нелеп.

Как я страдал, как плакал по ночам, уткнувшись в подушку! Казалось мне, что жизнь потеряла смысл и жить больше незачем. Мама видела мои мучения, понимала их и, как могла, успокаивала меня. Отцу о моих страданиях она не говорила, не хотела, чтобы он подшучивал надо мной. Берегла меня от лишних переживаний. Как долго могло продолжаться такое состояние? Трудно сказать. Все разрешилось самым неожиданным образом. Как-то подошел Сергей Мостовой и сказал:

– Что, будем «сачка» гонять или сам отстанешь?

Я послал его подальше, но он не отставал и в довершение всего вытащил из кармана записку, написанную Валентиной.

– Смотри сюда, узнаешь почерк?

Конечно, я узнал бы этот почерк из тысячи других. В глазах заскребло, предательские слезы готовы были обнаружить мою растерянность. Каким все же нежным и уязвимым я был!

– Хочешь почитать? – Мостовой не унимался.

– Хочу. – Еле выдавил я из себя эти слова. Я читал подлую записку сквозь слезы, которые меня буквально душили. Тем же знакомым, дорогим для меня почерком были написаны почти такие же слова, которые убедили меня в ее чувствах, которым я бесконечно верил, из-за которых страдал. Что со мной произошло? Может быть, я посидел в эти минуты, явно что-то оборвалось внутри. А Мостовой ждал ответа:

– Ну, как?

– Отстану.

Русские школьницы в Харбине
1929

Прошло много лет, а боль той измены, того предательства никогда не уходила из моей груди. Такой урок, преподанный мне в детстве, надолго отгородил меня от чистых чувств. Никогда больше не увлекался я так искренне, не любил так сильно. Когда слышу разговоры о чьих-то переживаниях, страданиях, не верю ни одному слову.

Перед отъездом в Россию, став взрослыми, встретились мы с Женей Лисицыной, той связной, которой я доверял свои детские тайны. Вспомнили и эту историю. Лисицына рассказала, что они вместе с Мельник с самого начала взялись меня разыгрывать, все записки писали вместе, а над моими дружно хохотали.

С Мостовым у Вали ничего не получилось, записок он не писал, а на свиданиях только лез целоваться и лапаться. Удивительно, но Лисицына никакой своей вины в этом деле не признала. Так, обычные детские шалости. Вот и вся история.

Валентина Мельник к восемнадцати годам оформилась в смазливую и представительную молодую даму. Великолепный бюст и шикарная коса, уложенная кольцом вокруг головы, остались при ней. Я против нее выглядел мелко. Вышла замуж за какого-то преуспевающего предпринимателя. Рассталась, думаю, без сожаления с советским паспортом и в Россию не поехала. Ничего больше о судьбе девочки, сыгравшей заметную роль в моем взрослении, я не знаю.

На заработках

Первые материальные трудности в мире избытка, дешевизны и роскоши достались нам месяцев через шесть после увольнения отца с КВЖД. Правда, мама наша включила на полную мощность свой «Зингер», и серьезной нужды мы не чувствовали, но видеть ее день и ночь склоненной над швейной машинкой было очень тоскливо. В первый месяц школьных каникул решил я пойти «в люди» и попытаться что-нибудь заработать. Понимал, что дело это не такое простое, глядя на сотни ребяташек, детей эмигрантов, пытающихся решить ту же задачу. Но начинать с чего-нибудь надо же, тем более что исполнилось мне в то время целых десять лет. Толкнулся в кинотеатр «Модерн». После недолгих разговоров взяли меня на должность

«сопровождающего». Наверное, понравилась моя ухоженность, так как, собирая меня в дорогу, мама выгладила мои рубашку и брюки. Обязанности несложные, но минимальная вежливость и обходительность необходимы. Киносеансы идут непрерывно, и вход на сеанс разрешается в любое время. Посетитель, оказавшись в темном зале, без моей помощи не обойдется. Я – сопровождающий, у меня в руках электрический фонарь, и я, зная расположение свободных мест, доставлю его туда без лишней суеты и неизбежных толчков в темноте. Нужно быть вежливым, непрерывно повторять «пожалуйста, вот сюда, осторожно, здесь занято». Быть готовым выслушать любой каприз привередливого посетителя, стараться ему угодить. Нудная и противная работа, все время «на полусогнутых» с фальшивой улыбкой на лице. А что делать? Работать нужно по десять часов в день с перерывом на два часа. Чтобы отлучиться на обед, такого времени не хватит, приходилось заполнять этот перерыв сухомыткой и просто балде-нием. Первую неделю нужно отработать бесплатно: считается, что тебя чему-то учат, а главное, «директор зала» присматривается к тебе, изучает. Если испытательный срок прошел благополучно, будут тебе платить 8 рублей в месяц. Первое знакомство с дискриминацией: взрослым за такие услуги положено 10 рублей. Мальчишке много не надо. Будем терпеть.

Харбин. Отель «Модерн» с кинотеатром
1930-е

Расчет выдавали каждую неделю. Первые 4 рубля за две недели каторжного труда я принес домой и вручил дорогой мамочке под ее причитания и слезы. Может быть, я работал бы еще, но хозяин распорядился отказать мне по той причине, что я... советский школьник. Вот, кроме дискриминации, еще одна несправедливость, которую ты испытаешь на собственной шкуре. Оказывается, специальные уполномоченные эмигрантских организаций следят за тем, чтобы ни одно рабочее место мимо них не прошло, иначе хозяину грозят неприятности. Обидно, конечно, но жаловаться некому, да и устал я с непривычки здорово. Что делать? Вместо желания зарабатывать деньги вдруг вспомнилась давнишняя мечта – определиться в яхт-клуб волонтером. Пошел туда – приняли, и я «забесплатно» отработал там и отгулял на реке последние дни каникул. Мало я заработал, мало принес в дом, зато начал разбираться в так

называемых производственных и социальных отношениях. Неплохо. Следующего лета я ждал с нетерпением.

Еще во время работы в яхт-клубе присмотрелся я к работе лодочников на переправе через реку Сунгари, научился плавать, нырять и потерял страх перед водой. Кроме всего, за то трудовое лето я окреп физически. Казалось мне, что смогу не хуже взрослого мужика загрузить в «плоскодонку» трех-четырех пассажиров и «оттартать» их на ту сторону, на Крестовский остров. Если еще дождаться обратных пассажиров, чтобы не гнать лодку порожняком, – такая ходка обеспечит 40 копеек. Неужели не хватит меня, чтобы сделать три-четыре рейса за день? Не может такого быть! Еле дождался каникул и сразу – на набережную, на Пристань.

Как я устал! Не то слово. Во мне не оставалось ничего живого. Старался проползти мимо мамы, чтобы не тревожить ее своим видом. Но разве маму можно обмануть! Она часто плакала и просила меня бросить лодочный бизнес. Вечером я соглашался с ней, а утром снова брел на Пристань. К концу сезона я осилил все-таки норму – три рейса в день и, рассчитавшись за аренду лодки, похлопывал себя по карману, где звенели монеты на целый рубль. Опять надо говорить о главном: все физические усилия и даже надрывы – ерунда по сравнению с той житейской мудростью, которая подпитывала меня каждый день.

Заполучить пассажиров можно было, лишь преодолев огромную конкуренцию старших по возрасту. Для этого нужно было выйти далеко вперед, ловить пассажиров у автобусной остановки и непрерывно уговаривать, расписывая преимущества моей лодки. Чем я брал? Во-первых, вежливостью манер, я не хватал несговорчивых за рукав, не употреблял крепких слов, а во-вторых, внешним видом. Загоревший до черноты, я аккуратно застегивал рубашку, выходил в наглаженных чистых брюках. Играл на контрастах. Многие взрослые лодочники были растрепаны, небриты, одеты в какую-то рванину, от большинства пахло водкой и потом. Самым убедительным аргументом, безотказно действовавшим на пожилых женщин и бабушек (основной контингент среди отдыхающих), нагруженных кошелками и внуками, был комплект пробковых спасательных поясов, которыми, по старым связям в яхт-клубе, снабдил меня старик-сторож. Никогда и никому они не понадобились, но само их присутствие в кормовом ящике уже завораживало. Удивительно, но на всей лодочной переправе, кажется, только я позаботился о спасательных средствах.

Харбин. Берег Сунгари за яхт-клубом
1930-е

Вообще в пассажирах недостатка не было. Оставалось усвоить психологию человека, которому хочется отдохнуть на природе с максимумом удобств. Река Сунгари у города имеет ширину около километра, а посередине вас еще ожидает быстрое течение. Переплыть ее в лодке с грузом в четыре человека можно за час с небольшим. Только это не так просто. На всякий случай возил с собой запасную пару весел и очень радовался, когда кто-нибудь из пассажиров, «давил на слезу», если был уверен, что такой номер пройдет. Представьте себе барышню с кавалером. Здоровенный мужик занят только тем, как лучше ее обнять, а небольшой мальчишка, из последних сил надрываясь, работает веслами, чтобы перевезти их на ту сторону реки, где их ожидает куча удовольствий. Конечно, она первая не выдерживает и просит своего кавалера помочь мальчишке, чтобы скорее закончилось испытание ее нервов. А пара весел тут как тут. Большое дело – психология. Случались, правда редко, другие варианты, как правило, на рейсах в город, с той стороны реки. Человеку срочно нужно быть в городе, а лодок не так много, и каждый лодочник ждет, когда наберет комплект пассажиров. Человек мечется от одной лодки к другой, уговаривает каждого. Те – ни в какую. Здесь важно оценить возможности пассажира, степень срочности его возвращения в город и вовремя согласиться взять его на борт.

Харбин. На берегу Сунгари
1930-е

Чтобы твое решение выглядело как большое одолжение, принятое себе в убыток. Благодарный пассажир сразу же схватится за вторые весла и фактически перевезет тебя на твоей лодке, а при расставании может отвалить «на чай». Двойная выгода. Постепенно я втянулся в свое дело, весь лишний жирок сбросил, стал жилистым и упругим, но самое главное, за одно лето вырос на целую голову. Руки, привыкшие к веслам, стали как крюки. Взять ложку пальцами – проблема. Вернулся в школу после каникул, многие не узнают, а писать ручкой не мог еще целый месяц.

Все же о прелести тобой заработанных денег стоит поговорить. С каким огромным удовлетворением после трудного рабочего дня возвращался я домой! По дороге выходил на центральную улицу Китайскую, шел мимо магазинных витрин и мечтал, как смогу накопить несколько рублей, чтобы купить маме подарок, а братишке полфунта чайной колбасы у Гурченко (был такой шикарный гастрономический магазин). Заходил в чайную с названием «Биржа», заказывал тарелку борща, отбивную котлету и чашку чая, заправленного дешевым вином, – фирменное рекламное изобретение «Биржи». Вальяжно развалившись на скрипучем стуле, воображал себя кормильцем семьи, победителем, перед которым расступаются все препятствия. После обеда в «Бирже» должно оставаться чуть больше рубля. Если не получалось, проходил мимо, как бы ни хотелось есть. Считал, что не имею права на «кайф». Может быть, в таких небольших сражениях с собой закалял волю, самодисциплину. Все эти мелочи очень пригодились во взрослой жизни.

Тренировку своей силы воли проводил под любым предлогом – иногда в день несколько раз.

Харбин. Новая Торговая улица.

На заднем плане вывеска: паровая колбасная фабрика и винно-гастрономический магазин Гурченко и Кислова

1910-е

Делалось это просто. Едет повозка, а я иду по другой стороне улицы, ставлю себе задачу: пока повозка доедет до угла следующей улицы, я должен пройти этот квартал. Начинаю ускорять шаг, если не успеваю, бегу рысцей, опять не успеваю – срываюсь бегом, лишь бы успеть выполнить заданное. Придумываю себе более сложные упражнения и страшно переживаю, если не смог выполнить задуманное. Работать на лодке придумал раз в три дня, в том числе обязательно по воскресеньям. Выходил на Пристань больше месяца. Потом отдыхал. Все же не детский это труд. Зато как обогатилось мое понимание людей, объяснение их поведения и поступков! Иногда мне казалось: в разговоре с собеседником я знаю наперед, что он скажет и как себя поведет, хотя знал я его всего несколько минут. Наверное, это был главный итог

моих попыток «выйти в люди» в летние каникулы, если не считать огромную пользу для физического развития, приобретения чувства уверенности в себе и самостоятельности.

Харбин. Здание, где располагался чайный трактир «Биржа»
1910-е

Предпринимались еще некоторые попытки заработать деньги. Например, брался я возить киноленты между кинотеатрами вместе с владельцем легкового автомобиля. Задача вроде простая. Одна и та же кинокартина идет в двух кинотеатрах, один театр – на Пристани, другой – в Новом Городе, а лента всего одна. Сеансы начинаются с небольшим разрывом во времени. Как только несколько частей картины прокрутят на Пристани, нужно срочно перебросить их в Новый Город. Расстояние – будь здоров, счет идет на минуты, можно запросто сорвать сеанс. Платили мне гроши, основной заработок шел шоферу, хотя бегал как угорелый только я. Шофер не вылезал из машины. Стал возражать, считая это несправедливым, просил добавить мне в расчет. Кому-то это не понравилось, выгнали, даже не заплатив за последнюю неделю. Еще одна зарубка на сердце, еще одна обида на мир взрослых людей.

Я не рассказываю здесь, какой университет жизненного опыта прошел я вместе с отцом, когда стал помогать ему работать с пассажирами в роли «хапалы». Отец работал на автомобиле таксистом, моя задача состояла в том, чтобы из всех свободных машин пассажир выбрал именно отцовскую. Да еще в условиях, когда с такой же целью к потенциальному пассажиру кидается десяток малолеток. Вот где без психологии, изворотливости и выдумки никак не обойтись. Не говорю об этом, потому что это не мой заработок, а отцовский, а я должен был рассказать о своих собственных доходах.

О друзьях-товарищах

Первым запомнившимся мне товарищем был Болеслав Казимирский. Было это еще до школы, значит, было нам по пять лет. Жили мы на улице Аптекарской напротив здания Мехсоба (Механического собрания) и летнего парка при этом Дворце досуга. Каждый раз, когда я переходил дорогу и задерживался в парке, встречался мне паренек такого же, как я, роста,

который не играл, а тихо сидел на крыльце служебного входа в клуб. Однажды я пришел с мячом и предложил ему играть со мной, он как-то робко согласился, но потом разыгрался, и с этого началась наша дружба. Узнал я, что его отец работает при этом клубе, как у нас сказали бы, внештатным официантом за то, что ему, как бездомной собаке, разрешили вместе с мальчишкой ночевать на сцене, за кулиса-ми на тюках с каким-то реквизитом. Питались они буквально объедками в той столовой, что действовала при Мехсобе. Посетителей в столовой всегда было мало. Готовили в основном для obsługi, но официанта по штату не полагалось, отсюда и положение отца Болеслава было очень неустойчивое. Типичная судьба всех эмигрантов, бежавших из России с белой армией. Как рос паренек? Кто его воспитывал и где осталась его мать? Такими вопросами мы тогда не интересовались. У нас было время, и надо было его чем-то занять.

Борис
Начало 1930-х

Что нас сразу же объединило, так это страсть к познанию мира. Мы могли часами ходить по городу, рассматривая китайские диковинки, пробирались в китайскую часть города за несколько километров от дома, забывая о том, что надо покушать. Бывали на рыбалке с самыми простыми удочками. Никакой другой рыбы, кроме касаток, у берега поймать не удавалось, а касатка – такая противная хищница, заглывала крючок целиком так, что извлечь его из горла прожорливой рыбешки стоило трудов. Хищница эта имеет острые плавники, и вся в каком-то ядовитом желтом налете. Пока снимаешь ее с крючка, она порежет тебе руки, а попавшая в ранки желтая слизь вызовет воспаление. Вообще пакостная рыбешка, а Болеслав гораздо ловчее меня с ней справлялся. Больше всего переживала наша мама, не зная, куда мы пропали. Потом мама придумала: приходите сначала домой, я вас накормлю, а потом идите гуляйте. Как это было хорошо, милая, добрая мама, если бы ты только знала! Ведь Болеслав потому всегда сидел на крыльце служебного хода, что ему приходилось ждать часами, пока отец что-нибудь вынесет поесть, а у нашей мамы всегда было приготовлено что-нибудь вкусненькое для двоих. Мальчонка так привязался к нашей маме, что она полюбила его как родного и разницы между нами не делала. Тем более что меня звали Боря, а его – Боля. Так мы и дружили. Братишка Вовка был еще маленьким, брать его с собой нам не разрешали, и мы гастролировали на пару по всему городу. Как товарищ и друг Боля был «на уровне». Никогда не хитрил, честно делился всем, что попадалось, был уступчив и скромн, ну то, что он мало, по сравнению со мной, прочитал, ему в вину поставить было нельзя. В мелких наших потасовках с другими ребятами за спину не прятался. Разделила нас гимназия. Я пошел учиться, а они с отцом куда-то перебрались. Небольшой человечек встретился на моем пути, а запомнился.

«Друзья мои, прекрасен наш союз...» – воскликнул Пушкин, обращаясь к своим лицейским товарищам. Каждый из нас мог бы обратиться к друзьям своего детства с подобным спичем. В детстве так свежи наши чувства, так открыты для дружбы сердца, что любая фальшь, любое притворство сразу же обнаруживаются и сурово осуждаются. Где вы теперь, мои друзья? Живы ли? Знаю, всех вас не пощадил карающий меч «пролетарской диктатуры», остаться в живых было почти невозможно. А вдруг? Пусть последние дни вашей жизни будут спокойными. Радостными они быть не могут, поскольку основная жизнь, не по вашей вине, прошла бездарно. Я помню вас: Игорь Коровко, Василий Симеонов, Миша Евдокимов, Павел Свиначев, Леонид Чарторыжский. Мог бы еще назвать десяток имен. Зачем? Я не рассчитываю на встречу с вами, а если мои записки вдруг найдут вас или тех, кто знал вас, пусть знают люди, что самые лучшие, самые светлые воспоминания о вас я ношу с собой.

Дети у витрины магазина в Харбине
1920–1930-е

Особое место среди моих друзей занимал и занимает Георгий Автономович Соснин. Его корни из Черемхово, что под Иркутском. В Харбине они жили большой дружной семьей. Кроме Георгия, самой старшей была сестра Клавдия, потом брат Василий и младшая сестренка Ольга. Где и когда они потеряли отца, и не знаю. Всем в доме управляла мать, властная, седая, умная. Я любил бывать в этом уютном доме, где царила особая атмосфера взаимопонимания и дружбы. Василий готовился стать юристом, Клава закончила какие-то высшие курсы и работала редактором, Оля была меньше нас и никого не интересовала. Георгий учился со мной в одной группе с первых дней занятий в техникуме. Был он не по годам серьезен, увлекался историческими романами и историей Древней Руси, учился только на «отлично», был непрекаемым авторитетом в любом споре. Естественно, все годы он занимал должность старосты. Демократия в советской школе была показательной, поэтому наш Гоша заседал в Учительском совете, всегда был серьезен. Не помню случая, чтобы он непринужденно рассмеялся в группе. Зато в домашних условиях он отпускал свои «гайки», был весел и задирист, изобретал всякие розыгрыши, шутил с братом и сестрой. Я завидовал цельности этого парня, его знаниям, умению держать себя в обществе, глубокой сосредоточенности и, как мог, подражал ему. Он втянул меня в книги Шопенгауэра, Ницше, Фейербаха. Я даже Маркса перелистывал при нем. Мы козыряли к месту и не совсем афоризмами житейской мудрости, выписанными из Шопенгауэра. По его инициативе сели мы за Большую советскую энциклопедию и начали конспектировать отдельные интересные слова, начиная с первого тома, с буквы «А». Мы не курили и многих отвлекли от этой забавы, вытащив один из афоризмов: «Папироса – это суррогат мысли». Чтобы уменьшить боль от пережитой мной трагедии с изменой Мельник, я твердил вслух и про себя тоже заимствованное: «Мир знал женщин красивых, умных, решительных, но мир не знал женщин честных!» И становилось легче на сердце.

Девушек Гошка действительно презирал. Почему? Никто объяснить не мог. Решили как-то ребята разыграть его по этому поводу. Организовали ловушку: был у нас в школе такой теплый коридор между двумя корпусами, мимо которого никак не перейти из корпуса в корпус.

Высчитали время, когда он должен оказаться в этом месте, и подговорили Клаву Ошеву, самую знаменитую нашу красавицу, участвовать в этом розыгрыше. Она должна была остановить его в этом проходе и спросить в присутствии всей компании, почему он проходит мимо и не хочет поговорить с ней, когда у нее к нему есть вопрос. Не могли предположить ребята, какой из этого конфуз получится. Все шло точно по расчету. Клава остановила Гошку там, где было намечено, и кокетливо задала ему свой вопрос. Гоша оглядел всю компанию, мгновенно сообразил что к чему и сказал:

– Не обижайтесь, Клава, вас лично это не касается. Я отвечу цитатой из Фенимора Купера. Есть такое место, где Кожаный Чулок говорит: «Там, где воронье слетелось на падаль, гордому соколу нет места!» – сказал и спокойно пошел дальше.

«Воронье» осталось с разинутыми ртами, а «падаль» залилась слезами. Зря, конечно, обидел Гошка Клаву, но такой он был непредсказуемый. После случая с Ошевой остались мы как-то вдвоем, и я спросил его:

– Ты действительно презираешь девчонок, даже смазливых?

– Да! Смазливых тем более.

– И как это тебе удастся?

– А того, что сказал Шопенгауэр, тебе не хватает?

– Мне не хватает, девчонки – не женщины.

– Тогда я расскажу тебе свой секрет. Начинает она со мной кокетничать, строить глазки, а я представляю себе ее в это время сидящей на унитазе и крепко тужащейся. От очарования ничего не остается, противно. Попробуй мой метод, поможет.

Такой был Георгий Соснин.

Хорошо, когда у тебя перед глазами живой человек, достойный примера, которому веришь, на которого хочется походить. Особенно если этот человек безупречно честен и справедлив. Таким в моей жизни примером был для меня мой друг Георгий Автономович Соснин. Куда бы ни мотала меня судьба, в какие бы передрыги ни попадала моя голова, всегда и везде я вспоминал моего друга и думал: что бы он сказал? что бы сделал? Мне обязательно нужно было быть перед ним честным. Судьбе было угодно, чтобы из всех моих школьных друзей через много лет я встретил именно его. Но рассказ об этом будет в другом месте, а здесь речь идет о школьных годах.

Все эксперименты, которыми отличалась советская педагогика: школьное самоуправление, бригадный метод изучения предметов, свободное посещение выбранных курсов и многое другое, – мы испытали на себе. Школьной дружбе это не мешало, по сравнению с другими школами и гимназиями позволяло нам чувствовать себя первооткрывателями, гордиться этим.

О «бригадном методе» стоит рассказать особо. Выбор пал на русскую литературу. Педагогическая новация состояла в том, что, разделившись добровольно (первая ошибка) на бригады по четыре-пять человек, группа брала различные темы из учебного плана и самостоятельно готовила по ним что-то вроде реферата. Сильные и способные ребята составили свои бригады, а слабые остались сами по себе. В сильных бригадах работу выполняли быстро и с охотой. Спорили до хрипоты, отстаивая свою точку зрения по поводу того или иного героя литературного произведения. Готовы были спорить с преподавателем. В слабых бригадах стояла подозрительная тишина. Как правило, они мало читали, а кто такой Базаров, не знали, и выдать из себя, кроме мычания, ничего не могли. Чтобы спасти метод, организовали «буксирную помощь». Сильные должны были тащить на буксире слабых, стараясь вложить в них то, что не удалось педагогу. Какой-то сдвиг наметился, но слабый. Тогда педагог-новатор предложил делить оценки сильных буксиров с теми, кого они тянули, пополам, чтобы дотягивали до своего уровня. Всё! Метод сдох. Вот такие бывают новации.

Вернулись к старому как мир испытанному личному контакту преподавателя с аудиторией. Там, где ребята любили или уважали педагога, не возникало проблем, хотя всегда были

ребята, лучше других усваивавшие предмет, более шустрые, восприимчивые, и те, кому наука давалась с трудом. Был у меня такой случай. На уроке химии проходили раздел «Окислы». Решили повторить пройденное. Учитель спрашивает:

– Как называются соединения металлов с кислородом?

Ни одна рука не поднимается, никто не знает. Учитель сник.

Представляю себе его состояние. Он снова спрашивает. Я знал ответ, но не хотел быть выскочкой и молчал.

Тогда он обращается ко мне с надеждой в голосе:

– Вы знаете, но не хотите сказать. Вам нравится мое унижительное положение?

Молчать больше было нельзя, и я ответил как положено:

– Соединения металлов с кислородом называются окислами.

Вот такие вспоминаются мелкие, но трогательные истории.

Когда собрались мы в стенах техникума в последний раз, чтобы проститься с преподавателями, с самими стенами «альма-матер», взрастившей нас, отошли мы с друзьями в сторонку и дали друг другу слово: как бы ни разбросала нас судьба, через пять лет, то есть в 1940 году, встретиться в... Златоусте. Почему выбрали этот город? Только потому, что он находится на границе Европы и Азии, посередине.

Значит, не будет обиженных.

Не думали, что до 1940 года предстоит пережить год 1937-й.

Зарисовки по детской памяти

В свободное время вдвоем с товарищем одного со мной возраста (на двоих приходилось меньше четырнадцати) любили мы забираться в китайскую часть города, называвшуюся Фу-дзя-дзян. Это были незабываемые походы. Особенное удовольствие доставляли нам китайские столовые или трактиры, не знаю, как назвать, совершенно непохожие на кафе места для приема пищи и приятного времяпровождения. Представьте себе возвышенное место, огороженное стеклянными стойками, на котором в ослепительно-белом фартуке восседает хозяин этой таверны. Вокруг него около двадцати легких столиков. За каждым столиком может сидеть столько гостей, сколько поместится, не обязательно знакомых. Проходов между столиками почти нет, однако ловкие официанты как-то лавируют между ними с подносами, уставленными посудой в два этажа в одной руке и несколькими кружками в другой. Недалеко от хозяина, тоже за стеклом – то, что принято называть кухней. Здесь все дымит, шипит, шкварчит и, главное, пахнет. Если соевое бобовое масло, скверно очищенное, хорошо нагреть, вокруг разойдется такой запах, который нельзя ни с чем спутать и нельзя забыть. По запаху за квартал безошибочно выходим на китайскую кухню. «Ханшин» – гаоляновая водка (гаолян – одна из основных сельскохозяйственных культур типа проса, растет метелками на стеблях толщиной в руку и высотой до трех метров), тоже со специфическим запахом, ее подают в металлических конусных сосудиках с пережатым горлышком, подогретой. Выпить залпом содержимое такого сосудика нельзя – маленькая струйка горячего спирта рассчитана на несколько глотков. Посетители могут сидеть часами и пить водку долго. Русского человека такое зелье должно свалить замертво, а китайцы почему-то остаются только веселыми. За много лет, прожитых в Китае, мы не видели пьяных, валяющихся без сознания китайцев.

Харбин. Район Фу-дзя-дзян
1920–1930-е

Кстати, разговор про водку не раскрывает основной прелести наших наблюдений. Собравшиеся за столом, прежде чем выпивать, приступают к некоему ритуалу, похожему на азартную игру. Партнеры садятся друг против друга, каждый прячет за спину руку и сжимает несколько пальцев, а остальные пальцы оставляет поднятыми. Потом одновременно освобождают руки из-за спины и громко называют число. Нужно угадать сумму прямых пальцев. Если никто не угадал или оба угадали, все повторяется сначала. Тот, кто угадал, выиграл, проигравший должен пить ханшин. Шум, крики, шутки над проигравшим. Подходят болельщики, дают советы, сами включаются в эту игру. Играют за десятком столиков сразу, гвалт невероятный. Но это еще не все. Посетитель криком заказывает пробегающему официанту нужное ему блюдо, тот в полный голос отвечает, что понял, и тоже громко передает заказ сидящему в центре хозяину. Хозяин что-то записывает, подсчитывает и кричит на кухню, чтобы повара начали готовить заказанное. Повара криком отвечают, что они поняли, и начинают готовить. Пока готовится заказ, за столом идет азартная игра вокруг сосудиков со спиртным. Когда повара справились с заказом, они докладывают хозяину, а тот кричит официанту, чтобы забрал заказ. Орут сразу человек пятьдесят, стараясь перекрычать друг друга. И всем весело, все настроены дружелюбно, каждый приглашает другого к своему столу. Картину дополняют повара, их специально поместили в центре за стеклом, чтобы все видели их искусство. О, какие номера они выделывают с тестом и с мясом, перебрасываются бутылками, жонглируют ножами! Это – обязательная часть программы, именно она должна привлечь основную массу клиентов и зевак вроде нас. Так создается реклама, имидж фирмы, без которых не обходится ни один хозяин. Не зря эти трактиры выносят на улицу, в помещении такое представление невозможно. Кстати, о доступности такого обеда с выпивкой. В таких тавернах хозяин держится на популярности среди самых широких слоев населения, в основном работающего народа: грузчиков с набережной реки Сунгари, рикшей, извозчиков. В китайских ресторанах другие стандарты, только бывать нам в них не пришлось.

Харбин. Японские туристы на Соборной площади. На заднем плане – Свято-Николаевский собор
1930-е

* * *

Культура народа ярче всего проявляется в его обычаях, обрядах, религии. Незабываемое зрелище – китайская свадьба. Позволить себе провести ее по всем требованиям обычая могут только состоятельные люди, потому что к такому мероприятию привлекаются десятки людей, целые организации. Начинается с того, что выбирается ровная площадка приличных размеров, на которую завозят строительные материалы: в основном бамбуковые шесты, несколько сосновых брусьев и бревен. Деревянные щиты будут служить полом, а специальный настил примет на себя музыкантов с их инструментами. Главную массу составляют циновки. Они укроют поставленный шатер многоярусной кровлей, такой же, какой отличаются культовые сооружения – пагоды. День, когда завозили материалы, не в счет. Утром следующего дня начинается работа. Бригада мастеров к вечеру закончит возведение настоящего дворца, красивого, оригинального, прочного и довольно высокого. Золотистый цвет всей постройке обеспечивают соломенные циновки. Не верится, что такое чудо можно создать всего за один день, обойтись без гвоздей и металлических креплений. Все узлы выполнены при помощи сыромятных ремней и кунжутных веревок. В плане такое строение занимает площадь примерно в двести квадратных метров, гости размещаются в несколько ярусов, особое место и внимание уделяются музыкантам. Музыка очень своеобразная, может быть, есть какой-нибудь мотив, нам его не понять. В основном главную мелодию выводят сопелки и дудки, похожие на флейты, им помогают барабаны и тарелки. Если музыка началась, она ни на минуту не прекращается. Музыканты сменяют друг друга и дуют в свои дудки с таким напряжением, что можно пожалеть их щеки, профессионально раздувающиеся, как пузыри. На рассвете следующего дня музыка прекращается. Еще через час появятся те монтажники, что строили свадебный дворец, и молча, по-деловому, за два-три часа разберут и упакуют все материалы. До следующей свадьбы. Наверное, свадебное гуляние происходит не только в этой постройке и, может быть, не заканчивается в один

день, подробностей я не знаю, но в детском сознании навсегда запечатлелось ловкое и красивое строительство бамбуково-циновочного, легкого и прекрасного дома для торжественного обряда.

Скорбные обязанности – проводить соотечественника в мир иной – в Китае обставляются не менее пышно, чем свадьба. Китайцы верят в загробную жизнь и обеспечивают усопшего всем, что может ему понадобиться в том мире. Только, в отличие от египтян, вместо живых жен и слуг практичные китайцы готовят все нужные фигуры в натуральную величину из бумаги и с максимальной правдоподобностью. На изготовлении такого инвентаря заняты профессионалы высокого класса, работающие артелями. Люди, кони, повозки, полные мешки «денег», столики с различными кушаньями, посуда и бытовая утварь раскрашены в натуральные цвета и достойны занять место в каком-нибудь музее. Мне действительно было жаль, когда все это великолепие сжигалось на поминальном костре.

Похоронная процессия в Шанхае
Начало XX в.

Гроб изготовляют из сверхтолстых досок какого-то специального дерева. В землю его не закапывают, оставляют стоять на поверхности. Через какое-то время его обкладывают кирпичом в виде домика. Рядом пирамидка из камня, на которой обозначены личные данные захороненного. Мне казалось, что такой гроб весит не меньше тонны и доставить его на кладбище не так просто. Особенно когда наблюдаешь со стороны, как это делается. Гроб устанавливают на большой платформе в виде носилок. К рукояткам этих носилок подходят человек двадцать носильщиков. Целая система коромысел и ремней позволяет всем одновременно поднять носилки и по команде старшего медленно двинуться в путь. Похоронная процессия начинается с нанятых плакальщиц-профессионалов, за ними следуют музыканты. Набор инструментов тот же, что и на свадьбе, такая же режущая ухо музыка, и мелодия почти такая же, для иностранца непонятная. За музыкантами родственники и знакомые несут бумажные фигуры, замыкают шествие приглашенные и любопытные. Транспорт, конные повозки прижимаются к обочине, уступая дорогу. Главный цвет траура – белый. Ярких цветов не бывает, не принято.

* * *

Особенно интересными и запоминающимися остаются народные праздники, среди которых первое место принадлежит Новому году. С наступлением темноты тысячи людей выходят на улицы, каждый несет с собой патроны, петарды, хвостатые ракеты. Десятки музыкальных ансамблей собирают вокруг себя любителей. Непрерывно взрываются всевозможные хлопушки. С запоминающимся визгом взлетают, рассыпая за собой облако искр, маленькие и большие ракеты. Иногда в небе начинает полыхать многоцветное зарево фейерверка, вызывая восторженные крики толпы. Нет такого человека, который не запалил бы несколько штук взрывных пакетов. Такой пакет содержит несколько десятков сплетенных в косу мелких (не больше двух сантиметров каждый) патронов, которые, будучи подожженными, стреляют с частотой пулеметной очереди. Шум, смех, веселые розыгрыши продолжаются до утра. Самое удивительное, нигде не видно пьяных, никакого хамства, никто вас не обидит, не оскорбит. Производство пиротехнических средств поставлено на широкую ногу, и стоят они так дешево, что за несколько копеек вы можете доставить себе большое удовольствие. Китайский Новый год отмечается в феврале. По многолюдности и веселью заслуженно занимает первое место среди народных гуляний.

Есть еще одно народное гуляние. Не знаю, чему оно посвящено, что в этот день отмечают, но не рассказать о нем я не могу. Назовем этот праздник «Днем Дракона», потому что главное действующее лицо здесь дракон. Огромный в длину и около полутора метров в поперечнике, зеленый, круглый рукав из материи, раскрашенной под дракона полосами и чешуей. В рукав вшиты на равном расстоянии друг от друга обручи, которые на длинных шестах поднимают над толпой. Рукав начинается с художественно выполненной огромной головы чудовища с ослепленной светящейся пастью, периодически изрыгающей снопы искр. Голова дракона, тоже на шестах, в руках у двух человек, ведущих за собой всю процессию. Шесты несут опытные танцоры, работая обручами, они меняются местами, а тело дракона над головами людей как бы извивается, изгибается, просто живет. Особенно достается тем, в чьих руках шест с головой дракона. Они все время норовят захватить в пасть кого-нибудь из зазевавшихся зрителей. Те с визгом, под хохот толпы убегают, а дракон выбирает себе новую жертву. В наступившей темноте светящаяся голова чудовища выглядит очень впечатляюще, и каждая струя извергаемых из пасти искр встречается шумным одобрением веселящегося народа. По обе стороны дракона на высоких ходулях идут другие артисты, тоже что-то танцуют, а когда в руках у них загораются цветные фонари, зрелище становится сказочным. Там, где проходит дракон, к нему пристраиваются и провожают его сотни людей. Уходят одни, приходят другие. Улица запруживается, транспорт останавливается. Когда мне встречалось такое шествие, я, между прочим, думал о том, что кто-то платит артистам за такое выступление, кто-то хочет доставить радость людям, развеселить их.

Маньчжурия. Шествие с драконом на Новый год
Начало XX в.

* * *

И еще об одном празднике вспомнилось. Я назвал его «День поминовения». Весь народ в сумерках выходит к реке Сунгари. Каждая семья в честь усопшего несет цветной фонарик на деревянном кружке. Перед тем как опустить кружок на воду, в фонарике зажигают свечу. Стоят тихо, а мимо проплывают тысячи цветных огоньков, и люди думают о тех, кого уже никогда не будет с ними. Расходятся молча, каждый занят своими мыслями. Сознание неизбежного конца совсем короткой жизни настраивает на желание сделать что-то хорошее, быть добрее к ближнему. Я, например, каждый раз уходил с берега только после того, как проплывет последний фонарик, и чувствовал себя приподнято. А я ведь тогда не был взрослым и никого еще не хоронил.

* * *

Если любому русскому человеку предложить: «Поедем кататься на толкай-толкай!» — он, конечно, вас не поймет. Откуда ему знать, что такое название русские люди в Харбине присвоили очень популярному зимнему развлечению, связанному с поездкой по застывшей реке на специально изготовленных саниах. Надо объяснить, что сани эти представляют собой деревянную площадку размером полтора на два метра, с установленным на ней диваном, покрытым мехом, на котором удобно располагаются два человека, а с ребятишками можно и больше. Если вы уселись на диванчик, вас укутают шубами и попросят завязать уши у меховой шапки. За вашей спиной устраивается китаец с багром в руках. Это «катальщик». Пропустив багор между ног, он двумя руками с силой отталкивается от ледяной поверхности, и сани начинают двигаться. Вся площадка опирается на два полоза, острые, как лезвия коньков. Чем чаще и сильнее отталкивается багром катальщик, тем быстрее и быстрее движутся сани. Не зря вас

просили завязать уши: опытные катальщики развивают по гладкому льду реки очень приличную скорость. Работают эти китайцы артелями, следят за тем, чтобы расчищенные ледяные санные дороги не заносило снегом, а так как другого способа, кроме как толкать багром, чтобы заставить сани двигаться, нет, вот и назвали их «толкай-толкай». Русские придумали, а китайцам понравилось, легко произносится по-китайски. Не знаю, по какой аналогии, но мне всегда хотелось назвать этих катальщиков гондольерами, хотя зимний пейзаж на реке Сунгари никак не напоминает Венецию.

«Толкай-толкай»
1920–1930-е

* * *

Китайцы народ трудолюбивый, терпеливый, выносливый и неприхотливый. Жизнь в перенаселенной стране, вечный избыток свободных рабочих рук, постоянная борьба за выживание сделали их такими.

Наводнение в Харбине
1932

Даже в детстве меня поражали некоторые примеры беспощадной, изнурительной эксплуатации рабочей силы, оплачиваемой жалкими копейками. Расскажу об одном запомнившемся мне случае.

Харбин-Пристань почти ежегодно затапливается при разливах реки Сунгари. Эти наводнения приносят огромные убытки и доставляют массу хлопот населению пригородов Нахаловки, Чен-ян-хэ и других расположенных в прилегающих к реке районах. Город защищается насыпями, дамбами, которые постоянно размываются, разрушаются, требуют восстановления.

В том году, о котором идет речь, синоптики предсказывали «большую воду» и городские власти заранее начали суетиться. Все газеты наперебой рассказывали о генеральном плане возведения какой-то высокой, особо прочной дамбы, которая навсегда решит проблему борьбы с наводнением для Пристаней. Мы были в курсе всех этих страстей, так как в это время жили в Нахаловке и в случае наводнения оказались бы затопленными в первую очередь. Мы, пацаны, каждый день бегали на самое слабое место дамбы и смотрели, как угрожающе поднимается уровень воды в реке. Из газет узнали, что за земляные работы на дамбе берется какой-то знаменитый подрядчик, и видели, как к месту работ стали подтягивать нужную технику и машины. Только на этом все усилия подрядчика закончились. Не пришлось ему работать на дамбе. Однажды мы увидели, как всю дамбу облепили десятки тысяч китайцев, у которых кроме лопат и коромысел с двумя корзинами никакой техники не было. Сняли они с себя последнюю одежду и так дружно забегали вокруг дамбы, что на наших глазах земляной вал стал расти, пухнуть и приобретать форму. Представьте себе такую картину: несколько десятков тысяч тружеников-муравьев непрерывно в немыслимом темпе, все время бегом выполняют работу за стоящие рядом бездействующие механизмы. Кто и когда успел созвать, организовать и настроить такую массу людей? Впечатление такое, что эти люди заранее были готовы поспорить с маститым подрядчиком и где-то, притаившись, ждали команды. Так и было. Команда поступила тогда, когда другой подрядчик предложил городским властям выполнить ту же работу за более низкую цену. Изнуряющий труд десятков тысяч рабочих не в счет. У профессионалов, занятых на переноске грунта корзинами, то место на ключице, куда они кладут коромысло,

выгнуто по форме седла. Работают они без рубашек, изуродованную ключицу хорошо видно не у одного, а у нескольких сотен.

* * *

Яхт-клуб. Из книг, которые я до этого прочитал, сложилось впечатление, что такой клуб посещают только люди богатые, которым некуда девать свободное время. Очень хотелось поближе узнать и увидеть, как это у них получается. Был такой клуб в Харбине.

Стояло на высоком берегу реки белое воздушное здание со смотровой вышкой и длинным шпилем, на котором в непогоду поднимали сигнальные шары, запрещающие переправу через реку. Легкость зданию придавали ажурные формы, многочисленные веранды и балконы. Клуб работал только летом, не отапливался. Зимой здесь горел свет в одной конуре, где у буржуйки коротали время сторожа, охранявшие вытасенные на берег яхты и моторные лодки. Попасть на лето в клуб было моей мечтой. В клуб набирали ребят-волонтеров. Что это такое, я так и не понял, зато быстро усвоил свои обязанности. Мне и другим «романтикам моря», вместе со мной принятым в клуб, предстояло мыть помещения, выносить мусор, красить яхты и моторки. За эти труды обещали обучить вас управлять яхтой, прокатить на скоростном глissере и разрешали бесплатно пользоваться «душегубкой». Это такая легкая байдарка из трех тонких досок, где с трудом умещается один человек с двухлопастным веслом. Почему «душегубка»? Потому что пока освоишь это суденышко, когда борт над водой выступает всего на пять-семь сантиметров, много раз перевернешься, побываешь в воде. Итак, был в моей жизни такой летний месяц, который я провел в яхт-клубе. Насмотрелся на праздную жизнь богатых людей, от души наработался в должности «на подхвате» и вволю накатался на «душегубке». За все наши труды нас два раза взяли в поход на яхте, научили разбираться в парусах, освоили мы десятка два мудреных морских терминов и очень этим гордились. Удивительно, что только теперь я понимаю, как расчетлив был хозяин этого клуба, экономивший на бесплатном труде мальчишек-романтиков. Тогда мне это в голову не приходило. Конечно, была польза и для меня в то лето – я научился плавать, навсегда потерял чувство страха перед водой, загорел, окреп телом и духом. Правда, ни зависти, ни «классовой ненависти» к богатым не приобрел.

Сад яхт-клуба на берегу Сунгари
1920–1930-е

Когда из одной комнаты, которую снимали в Чен-ян-хэ, мы переехали в трехкомнатную квартиру на улице Аптекарской, отец и мать чувствовали себя неловко перед теми, кто еще не был благоустроен. Наверное, поэтому третья комната у нас постоянно была кем-то временно занята. Ребятишкам всегда это интересно. Жила, например, семья Буэровых: отец, мать и маленькая, наших лет, дочка по имени Таня. Она была такая миниатюрная, как Дюймовочка в одноименной сказке, и вела себя как принцесса. Запомнилось на всю жизнь: стоит нам с ней разыгаться под окнами во дворе, как с высоты второго этажа на весь двор раздается пронзительный крик матери «Тату-у-сик!», и девочка сразу убегает. Зла нашего на эту маму не хватало! Прожили они у нас недолго, но с Таней мы все же подружились. Куда и когда они уехали, я не знаю, тем удивительнее была моя встреча с Татьяной Буэровой в 1937 году в Казани на одной из танцплощадок. Она превратилась в очень красивую миниатюрную девушку. Ее отличали со вкусом подобранная одежда и повадки... принцессы. Хвост поклонников и ухажеров, изысканные манеры, утонченное кокетство. Встреча через столько лет была интересной, но казалось, вот-вот раздастся крик «Тату-у-сик!». Говорить с ней было не о чем, хватило нескольких слов, чтобы понять, как примитивно мыслит эта красивая головка. На том и разошлись навсегда.

Через некоторое время в нашей квартире поселился редактор газеты «Новое время» с какой-то странной двухэтажной фамилией (если меня не подводит память) Брусило-Брусиловский. Очень был веселый человек, выдумщик, рассказчик. Мы с нетерпением ожидали его возвращения с работы, чтобы послушать что-нибудь новенькое. Работал он по ночам. Газета, которую он издавал, была первым проблеском русского слова, лояльного, не злобного, и ее могли читать советские служащие на КВЖД. Черносотенцы несколько раз громили редакцию его газеты, угрожали ему лично, но наш квартирант был человек неиссякаемого оптимизма и так предан своему делу, что остановить его было непросто. Вскоре он от нас уехал. На его место пришли другие, но запомнились только Таня и редактор.

В городе было несколько кинотеатров: «Палас», «Модерн», «Ориант», «Колизей», «Атлантик», который сгорел под выгодную страховку. Некоторые из них имели свои филиалы на Пристани и в Новом Городе. Все эти театры я «освоил», когда пытался устроиться на временные заработки. В одних работал подметальщиком днем, когда нет сеансов. Нужно вымести зал, убрать мусор, протереть кресла. Зал, например, на восемьсот человек, делится между двумя мальчишками, каждый отвечает за свою половину. Уборку за тобой проконтролирует свирепая тетя, которая из-за тебя не хочет потерять свою работу. Достается. За четыре часа можно справиться, а если повезет, то во время уборки можно насобирать растерянной зрителями мелочи на целый рубль или найти какую-нибудь вещь, за которую, если объявится хозяин, можно получить вознаграждение. Перевозил ленты из одного театра в другой, таскал по городу большие афиши, расклеивал рекламные плакаты на тумбах. Освоился настолько, что знал все служебные и неслужебные ходы с улицы в кинозал. Сначала пользовался этими лазейками сам, старался не пропустить новую картину, а потом стал таскать с собой братишку Вовку. Может быть, время было такое, но кино американское (русских фильмов не было) несло в себе неплохое воспитательное начало. Нашими героями были Джеки Куган, Мэри Пикфорд, Дуглас Фэрбенкс, Грета Гарбо, Мирна Лой, Рамон Наварро, и из комиков, конечно, Чарли Чаплин, Бастер Китон, Пат и Паташон и некоторые другие.

Уличная сценка в Харбине
1920–1930-е

Если бы спросили нас, какая картина оставила след на всю жизнь, мы бы не задумываясь ответили: «Морской ястреб». Картина учила борьбе против жестокости работорговцев, дружбе между рабами, храбрости и мужеству тех, кто готов положить голову за свободу и счастье других.

Вовка был трусоват и постоянно мог подвести меня своей нерешительностью. Моя пронырливость и рискованность давались ему с трудом.

* * *

В стране, где частная собственность считается священной, строго судят за воровство, особенно за грабежи. Осужденным надевают на шею тяжелые колодки из двух толстых досок с прорезью для шеи. На колодках с одной стороны шарнир, на котором они раскрываются, а с другой – замок, на который они запираются. Колодки так тяжелы, что носить их постоянно невозможно. Нужно стоять на коленях, опустив колодки до земли, чтобы уменьшить их вес, и так стоять целыми днями в таком поклоне. Говорят, пусть замаливает свои грехи! Особо отличившихся преступников казнят, отрубая им головы. Головы потом в деревянных клетках развешивают на трамвайных столбах. Клетки украшают полоски ткани, на которых описано злодеяние, совершенное этим человеком, его имя, откуда он родом. Клетки висят все лето. Мириады мух пируют у этих столбов. Жутковато, но поучительно. Наблюдая за этими клетками, я заметил, что головы усыхают, становятся намного меньше. Открыл для себя такую особенность черепа человеческого.

Ребята, которые побывали на месте казни, рассказывали, что действо это обставляется как спектакль. Собирается народ на поляну, на телеге привозят осужденных. В отдельном закрытом экипаже приезжает палач, одетый в сказочный наряд какого-то духа, со страшной маской на лице. Наряд в основном из красной материи с цветными поясами и лентами, украшенными бомбошками. Палач выносит меч, наверное тяжелый, так как держит его за рукоятку

двумя руками. Конец меча расширен, как у ятагана, и зверски наточен. Чтобы народ убедился в остроте меча, палач кладет на него бумагу, дунет, и бумага разрезается пополам. В тот день казнили двух. Их поставили друг против друга, сняли колодки, связали руки за спиной. Поднять голову они уже по привычке не могли. Палач вышел на середину, исполнил нечто вроде танца, пофехтовал мечом, обкрутил его несколько раз вокруг себя, перебросил из руки в руку, покрутился возле осужденных, и никто не заметил, когда же все-таки отрубил он им головы. Есть в китайском народе такая страсть: обставлять всякие действия танцами, пируэтами, красивыми прыжками.

Японцы расправлялись с неугодными им китайцами без фокусов. Всех судили как диверсантов, и по законам военного времени процедуру эту упростили чрезвычайно. Видел собственными глазами. Взвод солдат привел на поляну четверых диверсантов. Из ближайших фанз силой выгнали все население на эту же площадку, чтобы смотрели и боялись. Поставили диверсантов со связанными руками на колени примерно через метр друг от друга. Солдаты отошли в сторону. Вышел незаметный до этого офицер. Полтора метра ростом, в зимней шапке с поднятыми ушами, высотой не меньше полуметра, долго возился с деревянной кобурой маузера, она у него от пояса доставала ниже колен. Вытащил ствол, подул на него и пошел вдоль дожидавшихся его осужденных. Приставлял ствол к затылку и нажимал курок, без всяких эмоций повторил это действие четыре раза. Убрал оружие в кобуру, что-то скомандовал, солдаты взяли карабины на плечо и строем ушли, а трупы валялись до ночи.

Маньчжурия. Заключенные
Начало XX в.

Юность

Техникум, его история и истории, которые там были

Во время военного конфликта на КВЖД, когда кому-то показалось, что можно устанавливать новые порядки, в наших учебных планах появились некоторые изменения: отменили новейшую историю, ввели китайский язык, сделали еще что-то не запомнившееся. В классе появился «сянь-шен» – по-китайски учитель. Восприняли мы эту новость по-разному. Самые рьяные призывали бойкотировать уроки сянь-шена, большинство осталось безразличными, а мне было просто интересно. Все новое мне всегда нравилось. Учитель китайского был человеком особенным. Прежде всего, он был не китаец, из Маньчжурии, отличался высоким ростом, светлым лицом, на котором можно было заметить румянец, мощным телосложением. Ничего такого за китайцами мы не знали. Уроки его были интересными. Кроме того, что само введение в новый язык он подал нам здорово, интригуяюще, свои уроки он часто прерывал рассказами об истории Китая и, в частности, народности маньчжур, к которой принадлежал сам, и древнем государстве Маньчжурии. Оказывается, в XVII веке могущественное племя маньчжур, населявших северо-восток Китая, завоевало Корею, Монголию и сам Китай, установило правление своей династии Цин над всеми территориями, создало могучую по тем временам армию и, может быть, существовало бы до сих пор, если бы не преобладающая численность китайцев, среди которых растворилось племя маньчжур, ассимилировалось настолько, что потеряло свое главенствующее положение. «Теперь, – говорил он, – трудно найти настоящего маньчжура, я – последний из могикан!» В китайском языке четыре тона, каждый тон меняет значение слова настолько, что запоминать нужно все четыре слова и не ошибиться при выборе тона. Он говорил: «Если вы будете знать 600 китайских слов, вы сможете объясниться с любым китайцем. Таким тезаурусом обладает средний китаец-кули, нигде и никогда не учившийся. Если сумеете овладеть запасом в 2000 слов, будете считаться интеллигентом. 5000 слов – это запас монахов-буддистов, пишущих книги. Отдельной строкой идет знание иероглифов – это есть то, что называется „китайской грамотой“». О себе сянь-шен говорил, что владеет не более чем 2500 словами, скромничал, наверное. Насколько он был образован, говорит такой пример. От него мы узнали, что в словаре Пушкина около 24 500 слов, а у Шекспира всего 18 000. И объяснял, что это не потому, что Пушкин в полтора раза грамотнее, а потому, что в русском алфавите 33 буквы, а в английском – только 28, у Пушкина было больше возможностей *сочетания перестановок*. Мы слушали рассказы сянь-шена с раскрытым ртом. Но конфликт на КВЖД закончился, старая администрация быстро отменила всякие нововведения, восстановила прежние программы, китайский язык из учебных планов исчез. Вместе с ним не стало сянь-шена, а зря. Многие из нас успели к нему привязаться.

Запомнилось, что говорил он на чистом русском языке, без акцента, с петербургским произношением старинных русских слов, которыми многие из нас никогда не пользовались.

Ходил среди нас слух, что наш сянь-шен профессиональный разведчик. Только что ему среди нас было нужно?

В 1932 году японские милитаристы, никогда не оставлявшие надежды на полное овладение Северо-Востоком Китая, начали планомерное продвижение своих интересов в этот район. Главным препятствием японским экспансионистским планам считалась Китайско-Восточная железная дорога, где советское присутствие было очень нежелательным для японцев. Что же делать с детьми советских граждан, заканчивающих средние школы? Их набиралось несколько тысяч. Где-то кто-то задумывался над этим, самые дальновзоркие политики понимали, что на долгое мирное сосуществование с агрессивной Японией рассчитывать не приходится. Орга-

низовать вуз по примеру тех, что действовали в СССР, посчитали нецелесообразным: слишком хлопотно. Остановились на предложении открыть техникум с трехлетним циклом обучения. Так в сентябре 1933 года в Харбине возникло новое учебное заведение под названием «Индустриально-транспортный техникум КВЖД для детей граждан СССР». Таково его полное официальное название. Было в нем несколько факультетов: электротехнический, автотехнический, дорожно-строительный и химико-технологический, готовивший химиков-технологов для жировой промышленности. Почему я остановил свой выбор на последнем, до сих пор объяснить не могу. Чем он меня привлек? Не понимаю. Может быть, только тем, что остальные три факультета никак не интересовали. Случайный выбор, о котором я никогда не жалел, во многом определивший мою судьбу в дальнейшем. Решение о Техникуме было принято в конце 1932 года, где-то незаметно для нас шла подготовка к его организации, а летом 1933-го все необходимые строительные дела были завершены. Пришли мы осенью на все готовое и не узнали многих кабинетов и аудиторий. Директором назначили знакомого нам Иннокентия Ильича Башмакова. О помещениях вопрос не стоял: два огромных корпуса бывшей гимназии генерала Хорвата, где до этого размещалась средняя школа для советских детей, легко приняли в свои стены новое оборудование, приборы, образцы техники и машин. Теперь я понимаю, как это непросто, а тогда появление экспериментальной гидрогенизационной установки для превращения жидких растительных масел в твердые жиры посчитал само собой разумеющимся. Да, надо сказать, по богатству и оснащению наши аудитории и особенно лаборатории были под стать научно-исследовательскому институту. Соответственно подобрали преподавателей и технический персонал. Демонстрация опытов проходила так захватывающе интересно, что впечатления и знания остались на всю жизнь. Много в жизни моей было маленьких и больших удач, только годы, проведенные в Техникуме, нельзя сравнить ни с чем, я считаю их самыми счастливыми, полезными и памятными в своей судьбе. Почему я пишу слово «Техникум» с большой буквы? Потому что его роль, его значение в моей жизни можно сравнить только с Отцом и Матерью, давшими мне жизнь. Если говорить правду, то всеми своими знаниями, технической подготовкой, успехами в высшей школе, авторскими свидетельствами и работой над диссертацией я обязан Техникуму и тому коллективу преподавателей, с которыми счастливо связала меня судьба. Вечная память и неизбывная благодарность навсегда остались в моей душе.

Сам процесс обучения изначально был ориентирован на подготовку техников-универсалов. Не было такого теоретического курса, который по ходу не подкреплялся бы лабораторными работами на небольших промышленных установках. Мы давили масло на современных фильтр-прессах, варили мыло хозяйственное и туалетное на вполне современном оборудовании, работали с гидрогенизаторами, умели обращаться с компрессорами, насосами, двигателями внутреннего сгорания и с каждым годом чувствовали себя увереннее. Вспоминая Техникум, не могу не сказать несколько добрых слов в адрес наших преподавателей: Патушинского, Лундстрема, Житова и других, сделавших много для того, чтобы им за нас не было стыдно. Спасибо вам вечное, дорогие наши наставники! Спасибо администрации КВЖД, не жалевшей средств и энергии для организации в Харбине такого образцового, показательного учебного заведения!

При Техникуме была огромная библиотека. Именно там по инициативе Гоши Соснина проводили мы многие часы за просмотром редких книг классиков и философов. Был большой внутренний двор, в котором проходили занятия спортом и внутритехникумовские спортивные соревнования. Поощрялись и отдельные спортивные результаты, и коллективные успехи. О последних стоит рассказать. Нигде и никогда ничего подобного не происходило. Каждый факультет выдвигал свою команду в пятьдесят человек. Выбирали самых спортивных, самых умных, самых находчивых, самых-самых... Составляли программу соревнований специально приглашенные люди, готовилось, как сейчас бы сказали, театрализованное шоу под назва-

нием «Спортивная производственно-техническая эстафета». Все команды выходили на стадион в специально сшитой для каждой красивой форме. Множество судей, тоже в форме, занимали свои места на этапах. Под торжественную музыку (гимн играть было запрещено) поднимали флаг соревнования. Выстрел стартового пистолета срывал с места бегунов, им предстояло пробежать четыре этапа по 80 метров, передавая эстафетную палочку. На последнем этапе эстафету принимали автомобилисты, только возле них стоял автомобиль, с мотора которого были сняты какие-то детали. Нужно было поставить детали на место, завести машину и быстро выехать со стадиона, чтобы пройти контрольный этап (20 километров) в городе. Пока автомобилисты возились с машиной и где-то ездили, на стадионе продолжались спортивные игры. Здесь достигнутые результаты пересчитывали в баллы в зачет командам. Вернувшиеся автомобилисты передавали эстафету дорожникам, а те, до этого спокойно сидевшие на куче бревен и досок, начинали лихорадочно строить мост. Когда они его заканчивали и сдавали эксперту, эстафетная палочка вновь передавалась автомобилистам, которым предлагалось переехать через этот мост, чтобы, сделав круг по стадиону, подвезти и передать эстафету группе девчат, вооруженных арифмометрами (самая быстродействующая техника тех времен). Только тогда девчонки могли получить от судьи пакет, в котором им была приготовлена задача, связанная с какими-то сложными расчетами. От них эстафета переходит к электрикам, которые протянут линию и организуют связь, затем секретарям-машинисткам, чтобы они вскрыли пакет и перепечатали рукописный текст, потом в работу вступят химики, которым придется определить химический состав неизвестной смеси, налитой в колбу. Химики передают палочку-эстафету опять бегунам. На этот этап, где одиночка-бегун может поправить дела всей команды, ставят самых лучших спортсменов. Когда тот одолеет свои 400 метров, он передаст эстафету велосипедистам, а те, снова переехав через только что построенный мост, делают четыре круга по дорожкам стадиона и привезут эстафету главному судье, ожидающему их на финише. На большом демонстрационном экране все время меняются цифровые показатели баллов, набранных командами. Каждое изменение показателей встречается ревом болельщиков. Пока одни состязались в скорости, другие набирали баллы на метании гранаты, толкании ядра, прыжках в высоту и длину, метании копья и диска. Фиксировались первое, второе и третье места, соответственно распределялись баллы. Стадион был переполнен, школьники приходили с родителями, праздник устраивался для всего города, вход был свободным для всех желающих. Не обходилось без приключений: один мост не выдержал проезжавшего по нему автомобиля и медленно, как в кино, завалился. Одна группа девчат что-то напутала в расчетах и сквозь свои слезы и улюлюканье соперников передельвала свою работу, химики умудрились в своих анализах не обнаружить два элемента. Были и другие накладки, но общее удовольствие все получали огромное. Праздник занял чуть более четырех часов, погода не подвела. Чествовали победителей в индивидуальных видах спорта, команды, занявшие первое и второе места, и тех, кто отличился на своем этапе внутри команды. Я, например, выступал за химиков с анализами, сделал их быстрее других и не допустил ни одной ошибки. За это меня премировали набором химической посуды для опытов в домашних условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.